

Сражение Цветов. Продолжение

СОДЕРЖИТ
НЕЦЕНЗУРНУЮ
БРАНЬ

София Фаддеева

18+

София Фаддеева

Сражение Цветов.

Продолжение

*http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=70018807
SelfPub; 2023*

Аннотация

В этом романе разнообразие тем, затронутых автором, столь же широко, как и то, что происходит в жизни женщины, решившей во что бы то ни стало найти уголок на земле, где она могла бы быть счастлива. Гендерное насилие, эротические желания, социальные различия и предрассудки, столкновение культур, детали и оттенки цвета кожи, происхождения, любви и ненависти... Изысканная чувствительность главной героини, выкованная многочисленными пережитыми потрясениями, оставит вас с разбитым сердцем и непередаваемой внутренней радостью от чувства сострадания, юмора, даже иронии. С большим мастерством автор захватывает внимание читателя, ведя его по лабиринтам сюжета и погружая в неожиданные события. В использовании языка в тексте присутствует безудержная страсть, а стиль полностью личный. Сама автор – загадка: русская, она живет в Мексике и издает в Испании роман об Эквадоре, стране, которую она знает не понаслышке – и это отчетливо видно из романа – со всеми ее красотами и особенностями культуры.

София Фаддеева

Сражение Цветов.

Продолжение

Вечерело, когда я вышла из здания Политеха. На меня обрушился ливень красок: в той стороне, где заходило солнце, небо светилось кремовым, в противоположной стороне облака были подсвечены серо-зеленым снизу, а в толще своей мерцали мраморными отблесками, и разбросанные повсюду пушистые нагромождения раздувались на глазах, меняя цвета, и непосредственно над головой зависло фиолетовое небо. Где-то в городе – пожар? – полыхало пламя, и его блики рыжим столбом метались по свинцовым ледникам Чимборасо.

Вдруг на дереве зашумела крыльями птица с грудкой алой, как у снегиря, махнула желто-голубым хвостом, взъерошила перья салатových крыльев, и это пестрое живое пятнышко в окружении огромных красочных полотен переполнило меня, стала очевидна цветовая избыточность, я закрыла глаза... Мир был ярок до боли. Кружилась голова. Первобытная гамма диких красок вливалась в меня сквозь опущенные веки, через кожу, с дыханием проникала в кровь, пульсировала в сосудах, распадалась и вновь сжималась в невозможные, сказочные сочетания.

...Природа России – бледная красавица, одевающаяся в

неброские одежды, и улыбка ее, сквозь грусть затяжных дождей, редка и слаба, холод снегов ей к лицу. А Сьерра – жестокий, диковинный, необузданный зверь, чей выдох то опалит жаром, то сковывает льдом, и поступь его тяжела...

Дрогнула земля. Взлетел кровавый отсвет над кратером далекого Сангая, застонала Тунгурагуа – зверь распрямлял сморщенную в складки кожу. Чимборасо молчал.

Как страшно, когда под ногами колеблется привычная твердь! Зверь показал свою мощь движением лапы.

Повторится ли толчок? Не начнется ли этим толчком землетрясение? Пришла мысль о сыне. Я поспешила к нему.

«Зверь», – думалось мне по дороге. – Зверь! Я его не боюсь, но он вырвал у меня из груди и забрал в свои покрытые чешуей лапы мое сердце, он держит крепко, он меня не отпустит, он выбрал меня себе в жертву. Пусть так! Я полюбила этого зверя, я его не покину!

И еще раз дрогнула земля.

Х Х Х

Я одна в своей огромной – четыре спальные комнаты – и пустой квартире лежу в постели и не могу встать. Болит все тело, тошнит, трясет...

Помогавшая мне по дому девушка не заглядывает ко мне, я ее отпустила за ненадобностью: из опасения повторной кражи ребенка я попросила знакомую эквадорку взять к се-

бе на время моего сына, пока я не поменяю квартиру и служанку – одним словом, замету следы.

Перед каждым посещением своего сына я долго ходила по городу, внезапно оглядываясь: нет ли слежки? Бертран ведь мог нанять частного сыщика. А я пока не могла ничего, даже снять новую квартиру: Политех не платил, виза оставалась просроченной.

Я лежала одна в квартире в мятом тряпье постели и не могла встать, никто меня не навещал, почему-то не заходил даже Хулио.

Однажды я встала. Держась за стенку, добралась до кухни, продукты испортились, есть было нечего, дойти до тиенды, хоть и было близко, я не могла. По стенке, стенке-стеночке я вернулась в грязное мятое тряпье.

Сколько времени так прошло? Я не знаю. День мешался с ночью. Я то засыпала, то просыпалась, за окном темнело и светало. Была мысль – надо передать, чтобы, если со мной что случится, отправили бы ребенка в посольство, а оттуда – к бабушке-дедушке в Союз, потому что, если ребенок достанется отцу, он выместит на нем, маленьком и беззащитном, всю ненависть к жене, покрывшей его позором измены. А закон будет на стороне Бертрана. Кто же возьмется нелегально отправить ребенка в Союз? Я не должна умереть, не должна...

Но мысли о сыне уходили вместе с сознанием... безразличие... смерть подходила очень близко. Я знаю, какая она:

смерть – это безразличие... силы уходят, все будет так, как оно будет... то, что случится, случится... мне так плохо... смерть?.. я лежу в пустой квартире в грязных простынях, знаю, что умираю, и мне все равно... нет мыслей... только одна... но и она исчезает... я и о смерти не думаю... придет мгновение... когда?.. я не жду его... я ничего не жду... тупое безразличие... нет сил даже думать... таинство безразличия к земному уже коснулось меня... Великое Равнодушие Смерти...

А в патио одного дома, недалеко, по соседству, бегают за котенком, задорно смеясь, мой черноголовый сынишка. За квартал от него его мать умирает и ни о чем, не о ком, даже о нем, не думает.

Х Х Х

Если бы не Хулио... Он ворвался как ветер:

– Что с тобой? Мне сказали, ты не ходишь на работу! Хочешь, чтоб тебя уволили?

Он осекается:

– Что с тобой?

Он сам неделю валялся в постели и как только смог встать...

– Что с тобой?

Он пытается приоткрыть мне глаза, хватая на руки, заворачивает в одеяло, на улице останавливает такси, в доме

своих родителей опускает меня на постель и зовет сестру:

– Полечи-ка ее, как меня лечила!

Сестра приносит какой-то отвар, с ложечки вливает мне в рот. Я приоткрываю глаза...

Х Х Х

Когда мне стало лучше, я все равно не выходила из комнаты: боялась родителей Хулио, они же знали, что я чужая жена. Но однажды Хулио настоял, чтобы я вышла к обеду.

Сеньор Хосе, отец Хулио, был угрюм и немногословен. Мать Хулио оказалось, звали так же, как и мою свекровь – сеньора Мария. Косы у нее были заплетены по-индейски полукольцом. Взглянула на меня она тихо и по-доброму. Все семь сестер Хулио, начиная от высоченной – две меня – Лихии и кончая младшенькой, тезкой матери, Марией, тоже сидели за столом.

Тарелки разносила сеньора Мария. Первую она поставила перед мужем, вторую перед Хулио, третью передо мной, остальные – перед дочерьми по старшинству.

Обед проходил в молчании, лишь сестры Хулио переговаривались вполголоса. Сеньор Хосе не отрывал взгляд от тарелки.

– А у нас в стране нету вердес, – сказала я. – Они такие вкусные!

– Нету вердес? – удивился сеньор Хосе.

– И авокадо нет.

– Нет авокадо? – снова удивился отец Хулио. – А напо есть?

Я не знала, что такое напо – не эти ли листочки свекольной ботвы, плавающие в супе? – но пожала плечами и сказала:

– Тоже нет.

– И лечуги нет?

– И лечуги нет.

– Что же вы там едите? – добреет сеньор Хосе.

Х Х Х

Мы с Хулио идем по улице, его рука лежит у меня на плече. Навстречу нам идет высокая стройная девушка, рука Хулио в замешательстве... Он снимает руку с моего плеча!

Мало ли высоких стройных девушек попадалось нам на улице! Хулио оглядывал их с ног до головы и даже иногда смотрел вслед, но не снимал руку с моего плеча! Я вопросительно взглядываю на Хулио и вижу, что он не отказался бы сейчас провалиться сквозь землю, но что-то решив для себя, Хулио вновь уверенно опускает руку мне на плечо и крепко прижимает к себе, а я с любопытством разглядываю девушку, вызвавшую столь необычное для Хулио замешательство.

Девушка смотрит прямо перед собой и опускает по мере приближения к нам все ниже глаза, пока они не упрутся в землю. Она проходит не поздоровавшись. Первый слог при-

ветствия остается у Хулио на губах.

– Кто это?

– Так... никто, – отвечает мне Хулио.

Х Х Х

До Норберто Мальдонада ректором Политеха был Иван Морено.

– Иван? Его мать русская?

– Нет, с чего ты взяла? У нас Ивановов больше, чем Хуанов! Иван Морено. В период выборной компании, – рассказывает Хулио, – он в пончо ходил, чтобы импонировать рабочим Политеха, а снимет в кабинете пончо – костюм с иголки, галстук по последней моде. Два срока ректорат занимал и на третий хотел остаться! Но его погубила листовка, выпущенная в последний до выборов день. В ней он обвинялся в махинациях с долларовым счетом Политеха. За счет Политеха Дельфина загорала на пляжах Майями.

– А причем тут Дельфина? – я вспоминаю высокие тонкие каблуки и насторожённо хищное лицо секретарши нашего отдела.

– Раньше она при Иване Морено секретарила.

– Ну и что?

– И за это Иван Морено на курорты в Майями ее отсылал позагорать!

– В конце концов, это их дело!

– Да, – соглашается Хулио, – но дело Политеха спросить у ректора, как тратятся деньги Политеха, и не оседает ли значительная их часть на его личном банковском счету.

– И ты смог доказать, что в Майями Дельфина летала не за собственные деньги и не за деньги Ивана Морено, а за счет Политеха? – мне такие вещи кажутся недоказуемыми.

– Для того чтобы выиграл Мальдонадо, достаточно было предположения. Выборы были открытыми, потому что мы с Мальдонадо сочли, что это нам выгоднее, и на том настояли. И вот звучало в репродуктор на весь Политех: Морено, Морено, Морено... Дельфина уже побежала разливать шампанское в бокалы, а люди меж тем читали листовку, и наступил перелом: Морено, Мальдонадо, Морено, Мальдонадо, Мальдонадо, Мальдонадо, Мальдонадо... Я зашел в ректорат к Дельфине, сказал: «Победил Мальдонадо!», положил листовку поверх бокала и вышел, но успел увидеть, как Дельфина закусила губу.

– Любит же она теперь тебя! – предполагаю я.

– Любила бы больше, если бы знала, кто ту листовку всю ночь выпускал на принтере ректората, – усмехнулся Хулио. – Ключи пришлось подобрать!

– М-да... Политика – дело грязное! – говорю я банальность. – А что же Иван Морено?

– Его особенность была в легкой смене партий. Он их менял как перчатки, в зависимости от того, где поблескивала выгода. Он побывал и маоистом, и коммунистом, и демо-

кратом, и альфаристом, и социал-христианином... и строил дом, приобретал земли, менял машины, и счет его в банке рос и рос. В очередной раз поменяв партию, он стал алькальдом города, возбужденное против него дело так ничем и не закончилось.

Я чувствую, все безнравственно, и с той, и с другой стороны, но... я горжусь Хулио. Я просто в него влюблена.

Х Х Х

Сегодня небо веселое – в полянках, просеках, тропках – разрежения, сгущения, просветы облаков.

Х Х Х

Лет десять назад, в первые годы образования Политеха, работало в нем множество выпускников Союза.

– А мы народ простой, нетребовательный, – говорит Хулио. – Ребята могли занятия провести, пообедать вместе со студентами в кафе, вместе с ними и на солнышке на травке растянуться подремать, а затем снова отправиться на занятия... Другие сотрудники Политеха морщились: для них прежде всего в преподавателе были ценны отглаженный костюм, галстук, начищенные ботинки, поданный женой обед и припаркованная в тени машина. Их раздражали валявшиеся на травке выпускники Союза. Ребят повыгоняли вон. – Но

ничего! – говорит Хулио. – Мы новые силы соберем! Мальдонадо нас поддерживает.

Ректор, действительно, поддерживал. Активность Норберто была поразительна и распространялась не только на область политики. Мальдонадо был еще и поэтом. Его революционная поэма «Война и любовь» на одном из латиноамериканских конкурсов получила награду, о чем он непременно информировал всех при первом же знакомстве. Ну, если не при первом, то, значит, при втором. А в студенческие годы Норберто исследовал разницу между двумя изотопами кобальта, и потому называл себя исследователем. Преподавал ректор на факультете зоотехники и прекрасно разбирался в латинских названиях букашек. Оратором он был исключительным, и если в его речь вторгался оборот «и наконец, чтобы закончить, упомянем о...», то это означало, что выступление продлится никак не меньше часа. Еще Норберто был горячим поклонником Кубы, думается, потому, что никогда там не был. Он возглавлял общество эквадоро-кубинской дружбы.

Его жена была обворожительна, Мальдонадо обожал жену и своих двух детишек, в то же время мечтая смотаться от них куда-нибудь на долгие годы, чтобы с оружием в руках отстаивать свободу, скажем в Никарагуа или Гватемале или в какой-либо другой стране, неважно где, главное – отстаивать свободу!

Когда ему случалось заходить в незнакомые аудитории, то

на приход невысокого человека в куртке обычно никто не обращал внимания, но когда представляли – «ректор Политехнического университета Риобамбы Норберто Мальдонадо» – аудитории взрывались аплодисментами.

Норберто был способен понять выпускников Союза, растягивавшихся вместе со студентами на травке, а если он и не растягивался сам, так только потому, что было некогда. И он старался быть справедливым, этот левый ректор. Когда в Политехе не хватало денег, чтобы выплатить зарплату всем, Мальдонадо отдавал приказание заплатить прежде всего рабочим Политеха и оставлял служащих и преподавателей ждать поступления денег.

Х Х Х

Римский Папа в Латинской Америке! Папа в Эквадоре!

Газеты, журналы, каналы телевидения взрываются религиозным фанатизмом и сходят с ума, люди на улицах плачут от счастья. Папа! Сам Папа в Эквадоре!

Норберто Мальдонадо приглашен на встречу интеллектуалов страны с Римским Папой, и как ректор, он обязан приехать на встречу, но всем известно, что Норберто атеист.

– Что ж тут поделать! Никуда не денешься! Вот и поцелуешь Папе ручку, когда протянет! – подначивает Мальдонадо Хулио.

– Пожму! – обещает Норберто.

Пожать протянутую Папой для поцелуя руку в католической стране при телевизионной трансляции встречи?... Мне Норберто не казался способным на такое.

Ему повезло: не пришлось ни целовать, ни пожимать Папе руку. Интеллектуалов, спешащих припасть к руке заместителя Бога на земле, собралось столько, что Мальдонадо легко удалось затеряться в их толпе.

Х Х Х

В отличие от Политеха Гуаякиля, в Политехе Риобамбы нет вступительных экзаменов – достаточно записаться и заплатить чисто символическую плату. Экзамены были отменены с приходом к власти левых сил Политеха во главе с Мальдонадо. Отсев неспособных и неприлежных ложится тяжким бременем на плечи преподавателя первого курса. А у меня как раз первый курс.

Мои студенты, служащие банков, супермаркетов, хозяйва тиенд, магазинов и мастерских, старше студентов дневных факультетов и старше меня. В каждой группе их человек семьдесят. Они не вмещаются в маленькие аудитории, и некоторым во время занятий приходится стоять. Многие лишь моргают глазами и смотрят на меня как на диковинку – откуда такая взялась?

Я стараюсь изо всех сил, из кожи вон лезу, тщательно готовлюсь к лекциям, особо трудные с языковой точки зрения

фрагменты вызубриваю наизусть, темп занятий выбираю не быстрый, но и не замедляю, чтобы не было скучно, кроме строгих формулировок математических понятий даю образные представления, теоремы доказываю эмоционально, выстраивая доказательства как короткий детективный рассказ. Зачем меня Хулио предупреждает, что факультет Экономики и Управления считается конфликтным и пользуется дурной славой среди преподавателей, и что студенты требуют к себе большого уважения и небольшой строгости? Зачем он меня просит быть осторожной? Я не придаю особого значения словам Хулио.

Х Х Х

Не был нужен в этом провинциальном городке отсталой страны, по крайней мере на этом факультете, тот уровень знаний высшей математики, который я попыталась задать!

За первой реакцией удивления последовало у студентов осознание, что экзамен не за горами...

Кто-то кричал, что только поднявшись по знаниям до уровня развитых стран, Эквадор сможет преодолеть отсталость, а кто-то втихомолку ходил и собирал подписи. Чувствуя свою правоту, несмотря на то, что дорожила работой, я отказывалась снижать уровень требований.

Была лекция, на которой присутствовал всего лишь один студент. Остальные сбежали в знак протеста против прошед-

шей контрольной: большинство с ней не справилось, а этот студент решил все задания правильно!

Я полностью отчитала для этого студента лекцию, а вызывая его к доске, лукаво спрашивала:

– Кто хочет выйти решить задачу у доски?

Студент поднимался с улыбкой со своего места и выходил к доске.

Коллективный побег, однако, не предвещал ничего хорошего. Появилась листовка с изложением сути конфликта, выпущенная студентами.

– Послушай, – сказал мне Хулио, – ты ничего не понимаешь и не скоро научишься понимать. Студенческие забастовки, обращения в Высший Совет Политеха, регламентированное право потребовать замены преподавателя – это неполный перечень возможностей наших студентов, и даже если им не удастся доказать некомпетентность преподавателя, все равно на его репутацию ложится пятно. Ты должна понять, факультет Экономики и Управления не наш!

– То есть как – не наш? В каком смысле? Чей же он? – удивляюсь я.

– На нем сидят маоисты!

– Кто на нем сидит?

Все левые силы Эквадора в противовес центру и правому крылу объединены в один фронт, FADI, но в FADI не вошла одна из левых партий, MPD, членов которой прозвали маоистами.

– Почему маоистами, Хулио?

Китайский социализм одно время был партийным идеалом МРД, но после поездки руководителей этой партии в Албанию, китайский идеал социализма сменился его албанским вариантом – настолько великолепно приняла Албания делегацию – и стало вернее членов МРД называть теперь албанистами, но маоистами было привычнее.

– Если они придут к руководству Политехом, нам придется двумя руками держаться за свои рабочие столы! – говорит Хулио.

– Вне зависимости от того, плох ты или хорош как специалист?

Вместо ответа Хулио пожимает плечами:

– Ты ничего не понимаешь в политике!

– Ты прав, я ничего не понимаю в политике.

Вражда левых течений мне кажется пустой. Ведь речь в Эквадоре не идет о строительстве социализма, его китайского, советского или албанского варианта, и представления местных политиков о социализме зачастую весьма отдалены от реальности. И время ли выбирать образец? Если и будет когда-нибудь, что сомнительно, в Эквадоре социализм, он, наверняка, будет эквадорским. Есть проблемы более насущные: долг США, голод низших слоев населения, слабо развитая промышленность, однобокая инфраструктура...

– Хулио, а что если в Эквадоре никогда не будет социализма? Может не стоит ссориться с маоистами?

– Ты ничего не понимаешь в политике!

Х Х Х

Сегодня мы опаздывали в Политех, автобуса долго не было, и мы взяли такси. В машине я положила руку Хулио себе на колени. Кожа у Хулио тонкая, пальцы длинные, узловатые. Я глажу его запястье, затем подношу его руку к лицу и кусаю губами. Я люблю эту руку, я очень ее люблю, и в груди у меня такая мучительная нежность. А Хулио такой сдержанный, уверенный... Я во многом, это правда, не разбираюсь, но во всем разбирается Хулио! Как мне хорошо, как мне спокойно, когда он рядом!

Хулио отнимает свою руку от моих губ и привлекает меня к себе. Мимо окон проносятся эвкалипты.

Х Х Х

– У нас студенты могут очень многое! – не уставал объяснять мне Хулио. – И кроме того, маоисты факультета быстро сообразили, что не зря Норберто проводит тебя без конкурса в Политех: ты верный голос за нас! Но ничего! У нас тоже есть свои ребята на факультете! Зал взревел, когда я заявил на собрании: «Маоисты закончились, когда я опустил свою ногу на землю Политеха!»

Последнюю фразу Хулио повторяет на испанском, и по-

испански, мне кажется, она звучит еще сильнее: «Quando puse mi pie al suelo del Politécnico, ¡se acabaron los maoistas!»

– А этого... – Хулио называет фамилию, – я выгоню! Три раза не сдаст экзамен, и все!

– А если он разбирается в предмете?

– Конечно, если отвечает блестяще, – соглашается Хулио, – он пройдет, потому что в открытую игра не ведется, но ты же сама знаешь, всегда можно найти, чего не знает студент!

И Хулио, действительно, выгнал одного студента, а я в своих требованиях стала мягче, и... «закончились маоисты»! Вскоре же меня перевели на дневной факультет Механики, где я легко прижилась.

Х Х Х

Мы с Хулио остановились посмотреть: уличный театр давал представление. Балаганно разряженные юноши и девушки призывали основать Партию Эквадора Демократически Организованную (el Partido Ecuatiano Democratico Organigado), сокращенно ПЭДО (PEDO). Они скандировали:

– ПЭДО! ПЭДО! Да здравствует ПЭДО! ;Viva PEDO!
Вступайте в ряды ПЭДО!

Юноши и девушки призывали жителей записываться, но все смеялись и никто не записывался. А я не смеялась: что

же тут смешного?

– Пэдо (pedo) по-испански означает, – пояснил мне на русском Хулио, – те газы, что выходят из человека снизу, когда тот съест что-либо недоброкачественное.

– ПЕДО! Да здравствует ПЭДО! Вступайте в ряды ПЭДО! Теперь и я смеялась вместе со всеми.

Х Х Х

Живем ли мы с Хулио вместе? Он – то у родителей, то у меня. Я не имею права просить, но прошу:

– Хулио, мне нужно заплатить за эту квартиру, за прошлый месяц я тоже не платила, и со служанкой, что присматривала за моим сыном, я не рассчиталась, она ждет. А в тинде, где я беру продукты, на меня уже косо смотрят, мне нужно погасить долг.

Я знаю, Хулио выплатили сразу вместе несколько задержанных прежде зарплат. А мне не платят: я же не оформила документы.

Хулио задумывается. Повисает пауза. Я классически сажусь Хулио на колени, обнимаю, целую в висок, провожу рукой по волосам. Еще недавно я рассмеялась бы, представив себя в подобной роли, и не поверила бы ни за что, если бы кто предсказал подобное, а сейчас у меня замирает сердце в ожидании ответа.

– Ты заплатишь?

– Сколько? – выдавливая Хулио, его не радует перспектива сразу же расстаться с деньгами, которые он ждал несколько месяцев.

Я называю сумму.

– Хорошо, – соглашается Хулио и добавляет, помедлив – и давай жить вместе.

Х Х Х

А вскоре одна моя студентка, сорокалетняя пампушечка, мать шестерых детей, предложила мне взятку за хорошую оценку на экзамене – учить она ничего не учила! Я отказалась от денег и золотых украшений, но не устояла, узнав, что в хорошем районе она сдает дом.

– Это же не взятка! Мы ей будем платить! – сказала я Хулио.

– Сколько в месяц? – поинтересовался он .

– Забыла спросить! Наверное, сколько заплатим!

– Учти, я против взяток! – сказал Хулио.

Но вещи мне он помогал перевозить и вскоре привез свои.

Х Х Х

–Сеньора, я слышала, вы ищете служанку! – молодая беззубая мулатка, явно с Косты, в грязном пончо и тесных джинсах стоит у дверей.

– Вы родом откуда? – я боюсь, что из Эсмеральдаса.

– Из Манаби, – говорит женщина.

– Проходите!

– Я сейчас... – мулатка уходит.

Возвращается она с двумя детьми. Где она их оставляла?

За углом? Грудного мулатка держит на руках запеленатым в выдавшие виды одеяльце, а другой, возраста моего сына, оборванный и сопливый, стоит рядом и ковыряет в носу.

«Прими, накорми, дай работу или не дай, но заплати, сколько сможешь, подари старые, но чистые вещи своего сына, из которых он вырос, предложи выкупаться, выкупай детей, объясни, что сама пока еще не стоишь на ногах крепко и проводи с добрым словом!» – хочется мне сейчас крикнуть той светловолосой женщине, что я и уже не я, но разве она услышит?

Я пугаюсь мулатки. Мулатки? Нет! Нищеты! Мулатка – как свидетельство, как пример. Я боюсь, что она – это я сама в каком-то возможном изгибе жизни, и я хочу отделаться от страха: нет! нет! ЭТО меня не ждет! МЕНЯ ЖИЗНЬ ДО ТАКОГО НЕ ДОВЕДЕТ! Я поднимусь, я выбьюсь из безденежья, и чтобы я смогла выбиться, я должна вот сейчас, вот именно сейчас сказать этой мулатке: нет! нет работы! все изменилось в ту минуту, когда вы повернулись, чтобы привести своих детей, спрятанных за углом! у меня для вас работы нет!

« Не смей прогонять! – кричу я себе той. – Она такая же

как ты, и ты знаешь, ты чувствуешь это! Ты не станешь ни бедней, ни богаче! Не прогоняй! Прими! Обогрей! Хотя бы до вечера! Ты же видишь, ее дети голодны и ей не с кем их оставить, дай ей заработать хоть малость, она же в безвыходном положении, и ты видишь это! Видишь! Разве тебе самой не знакома безысходность? Прими ее! Прими!»

Бесполезно. Та светловолосая женщина не слышит меня, и мулатка уходит, унося на руках своего грудного ребенка и ведя за руку другого.

Х Х Х

На следующий день хозяйка тиенды прислала мне одинокую индейскую девушку Лус Милу – я не расслышала и звала ее одно время Людмилой.

Лус Милу я выделила комнату и перечислила обязанности, которые ей предстояло исполнять: присматривать за ребенком, готовить обеды, убирать и стирать.

Х Х Х

К Хулио приехали политические противники. Дверь им открыла я и растерянно пригласила пройти в дом. Они отказались. Они просили Хулио поехать с ними. Машина ждала за окном.

– Не езжай! – попросила я Хулио на русском.

– Мы его увезем на час, не более, сеньора! Не беспокойтесь!

Я беспокоилась, я вцепилась в Хулио:

– Не езжай!

Хулио был напуган, но высвободился из моих объятий:

– Если через два часа не вернусь, звони Мальдонадо.

Он ушел не оглядываясь.

Когда через два часа я сняла телефонную трубку, чтобы позвонить, перед домом остановилась машина, и я опустила трубку на рычаг.

– Ты как? – спросила я вошедшего Хулио.

– Все хорошо, – сказал он – у меня будет скоро постоянный контракт, но будет он и у одного маоиста.

– Вы договорились, что маоисты на совете проголосуют за тебя, а «наши» за одного маоиста?

– Ты делаешь успехи!

Ночью Хулио положил под подушку револьвер. Я впервые в жизни видела оружие не в тире и не под музейным стеклом.

Х Х Х

Я украдкой сбегая из отдела. Автобус от el conservatorio останавливается довольно далеко, и длинный, пыльный, крутой подъем каждый раз мне приходится преодолевать пешком. В класс я обычно вхожу со звонком. Рассаживаю детей за роялем.

Мне одной доверено давать уроки на этом новом – ни царапинки! – рояле. Обычно его открывают только для праздничных концертов. А в других комнатах стоят старые, потрескавшиеся, с западающими клавишами пианино. Я бы на таких и одним пальцем ничего не смогла бы сыграть, а маленькие музыканты пытаются.

В el conservatorio обучаются дети из небогатых слоев города. К детям состоятельных семей преподаватели музыки ходят на дом, и общеобразовательным предметам обучаются они в дорогих частных учебных заведениях.

У моих учеников обветренные руки и грязные ногти. Я помогаю этим рукам научиться извлекать звуки из черно-белых торжественных клавиш.

На один урок ко мне приходит четверо-пятеро детей. Я рассказываю их по разным октавам, показываю аппликатуру гамм, и каждый в своей октаве выжимает одной рукой поочередно семь клавиш, в воздухе повисает кокофония – на уроках специальности пять человек! Ситуация невозможная в Союзе. Впрочем, и я, бросившая музыкальную школу где-то в середине обучения, тоже в Союзе никогда бы не преподавала музыку. Я играю довольно неплохо для домашнего музицирования, и руки детям, конечно, поставлю правильно, но все же если бы не нужны были позарез деньги, я бы не взялась.

У возглавляющего el conservatorio сеньоры Мора безобразные родинки на лице и очень крупный живот, но он довольно мил, если решается продемонстрировать эрудицию. О Советском Союзе сеньор Мора отзывается с большим теплом, и теперь, когда его сын Франсиско едет в СССР продолжать свое музыкальное образование, сеньор Мора безумно рад.

– Ваш сын столкнется с трудностями, – предупреждаю я. – Вы поучите его стирать, гладить...

– Да-да, – поспешно соглашается сеньор Мора, – мне то же самое говорила Рита, и мать уже принялась учить Франсиско. Два раза на прошлой неделе он выстирал рубашку сам!

– И в Союзе у него не будет отдельной комнаты, – продолжаю я, – но убирать ее придется, и обед служанка не поставит перед ним на стол, нужно будет в столовке в очереди потолкаться, и машину, на которой он ездит, вряд ли вы сможете упаковать ему с собой, он должен будет привыкнуть к толчее общественного транспорта.

– Трудно, да-да, трудно будет нашему мальчику, – согласно кивает головой сеньор Мора.

– В чужой стране всегда трудно, – улыбаюсь я, уж это я знаю наверняка, и добавляю: – зато безумно интересно.

Это тоже я знаю наверняка.

– У нас дети – дочери, Франсиско – единственный сын, и мы, конечно, баловали его, – рассказывает сеньор Мора.

– Но это то случай, когда овчинка стоит выделки, – перевозу, как могу, на испанский возникшую на русском мысль.
– Да-да, вот и наша гордость, Беатрис Парра, тоже ведь училась в Союзе, она и русский знает...

Х Х Х

В день отъезда Франсиско сеньора Мора разбрызгивался цитатами из Маркса и Ленина, восторгался достижениями СССР, справедливостью социальной системы... Слов нет, любезный, начитанный человек сеньор Мора!

А потом стало происходить что-то странное: сеньор Мора смущался при встречах, в движениях был суетлив, и бегающие глазки разъезжались в стороны, как ноги у неумеющего стоять на коньках.

Выяснилось, что ему из Союза пришло письмо: Франсиско был разочарован, хотел вернуться.

Затем пришла телеграмма от эквадорца Альфреда Гутьерреса, заканчивающего Московскую консерваторию. В ней он сообщал о пошатнувшемся здоровье молодого Мора.

Мать Франсиско заламывала руки, умоляла мужа согласиться на возвращение сына домой, но сеньор Мора не спешил со своим согласием:

– Я на этом теряю! Деньги за билеты в обе стороны мне никто не вернет! Наш сын должен думать о своем будущем! Этот Альфредо боится, что мой талантливый сын составит

ему конкуренцию по возвращении, ведь наша страна очень маленькая! Он не хочет, чтобы Франсиско учился в Московской консерватории, и потому шлет безумные телеграммы!

Телеграммы же шли одна за одной. Сеньор Мора с оттенком требования просил меня помочь, и я позвонила московским знакомым, чтобы они навестили Франсиско.

Через день – трясущиеся руки жены сеньора Мора и устремленные на меня умоляющие глаза – мои знакомые ответили: Франсиско в больнице, у него на нервной почве отнялись ноги.

– Вот такая у меня, сеньор Мора, страна, что с непривычки за несколько недель проживания в ней у человека на нервной почве могут отняться ноги!

По пути домой меня душила злоба и на баловня-неженку Франсиско, и на мою страну СССР!

Х Х Х

Впервые оказавшись вне родительского дома да еще в трудностях советского быта, Франсиско готов был умереть, нежели терпеть все те адовы муки, что с пеленок привычны советскому человеку. Он хотел выброситься из окна, угрожал повеситься, слал проклятия в адрес своего отца, не дававшего своего согласия на возвращение сына. Затем нервная система Франсиско нашла более действенный способ заставить отца смириться с понесенными тратами, и он поте-

рял способность передвигаться самостоятельно. Моя родина умела производить сильное впечатление!

В сопровождении доктора отпрыск сеньора Мора был доставлен Аэрофлотом в Лиму, а сеньору Мора пришлось дополнительно потратиться на билет до Лимы, чтобы встретить сына.

Увидев отца, Франсиско упал ему на руки и заплакал, но в столице своей страны он уже сходил по трапу самолета без посторонней поддержки.

Х Х Х

Сеньор Мора ходит и мелко сотрясается пышным телом: хи-хи-хи-хи-хи! хи-хи-хи-хи-хи! В Союзе нет салфеток, хи-хи, рты, должно быть, у всех красивые в послеобеденное время, хи-хи! Нет туалетной бумаги, хи-хи, газетками, хи-хи, газетками подтираются, газетками! А ночами Франсиско не мог спать из-за запаха носков своих соседей, хи-хи, не спасало даже настезь открытое окно! Хи-хи! Пьют же... хи-хи... один парнишка вернувшись с улицы, в пальто залез под душ, хи-хи, хи-хи, хи-хи-хи-хи-хи!.. хи-хи-хи-хи-хи!...

Х Х Х

Мне было жарко, когда я вышла из дома сеньора Мора, в котором в благодарность за звонки в Москву хозяйка пот-

чевала меня обедом, а хозяин показывал карандашный рисунок нагой женщины, выдавая его за случайно попавшую в его руки работу Пикассо.

Хотелось пить – откуда это жажда? я ведь столько сока выпила за обедом! – и не проходило ощущение грязи на руках. От того ли, что я столько времени из вежливости растягивала губы в улыбке, хотя улыбаться мне не хотелось! Или от хи-хи-хи-хи-хи?...

То, что рассказывает о Советском Союзе Франсиско и с его слов разносит по всему городу его отец – правда. Да, это правда! Но только часть правды! Это не вся правда! А я знаю всю – всю! – правду о моей стране, и не знаю уж, люблю ли я свою страну – очень может быть, что и не люблю – но это моя страна, она – как неблагополучный ребенок, от которого не откажешься: твой!

Заставленные статуэтками стеллажи в доме Мора, вышивки, рисунки, картины... Я рассматривала их растерянно и молчала. Почему я молчала? Могла бы сказать, например: у нас нет голодных! Пусть хлебом и макаронами, но желудки набиты у всех.

Но глядя в лицо хозяина дома, я думала: он сам все знает, этот эрудит сеньора Мора, он просто спасает сына от позора. Но почему я молчаливо принимаю участие в его спасении?

Я зашла в ближайшую тиенду выпить колы. Служанка дома Мора выбирала продукты: послали купить. За ней же молодая беззубая индихена в грязной юбке, мятой фетровой

шляпе и в изношенном до дыр пончо, стоя босой на холоде цементного пола тиенды, купила одну маленькую круглую булочку, и как только булочка, эта маленькая, совсем маленькая булочка, оказалась в ее руках, четверо детских ручонков протянулись к ней, и каждый из четверых просил себе кусочек булочки. Она стояла, окруженная ими и неторопливо, задумчиво как-то, отламывала по крошечному кусочку от маленькой булочки и давала детям, а те тянули и тянули ручонки: «Мама, мне, мама мне!» Я поняла, почему она раздает хлеб столь медленно: для ощущения – кушали. Один из кусочков индихена положила себе в рот.

А я не купила им булок. Заслон неучастия сформировался давно – иначе невозможно было б в этой стране жить, и я в очередной раз выставила заслон неучастия.

Я не купила им булок. И до сих пор не могу простить себе, что не купила десять, двадцать, сотню, не знаю сколько, булочек – или хотя бы каждому по одной.

Х Х Х

В el conservatorio мне платили без документов и наличными, но неожиданно закончились фонды отцов семейств – родителей моих учеников – и даже сеньора Далия, вице-ректора conservatorio, с которой я подружилась, ничем не могла мне помочь – это в ее доме пару недель жил мой сын.

Зависеть полностью от Хулио я не могу: он мне даже не

муж, а Политех по-прежнему не платит: все мои поездки в столицу для оформления визы и carné осурасионал оказываются безрезультатными. Бюрократия Эквадора, я заподозрила, превзошла советскую.

Сеньора Далия выручила: нашла мне учениц, двух обаятельных дам лет тридцати пяти и стеснительного мальчика двенадцати лет, а подростку Пабло, сыну сеньоры Далии, я даю уроки давно, и сеньора Далия платит, когда бывают у нее деньги, хотя прекрасно знает, что я согласилась бы давать уроки и бесплатно.

...руки яблочком, пальчики как молоточки... Мои новые ученицы и родители стеснительного мальчика расплачиваются со мной после каждого урока и перед каждым уроком, несмотря на мои возражения: «Спасибо, я люблю ходить пешком, к тому же ведь недалеко!» – заезжают за мной на машине.

Х Х Х

Перед моим рабочим столом в Политехе – окно во всю стену. Я поднимаю глаза от листа бумаги и замираю в ужасе: с вершины горы лавиной стремительно спускается густая масса и накрывает, погружая в себя, эвкалипты и дома, разбросанные по склону, наваливается – все ближе, ближе! – на здание Политеха. Облака! Как хорошо, что плотно закрыты окна!

Молния рассекает лавину. Гром. Из опрокинутого котла неба на землю сплошным потоком низвергается вода. Пять. Десять минут. Пятнадцать. И затихает.

Но остаются мельчайшие брызги дождя – я вышла из здания – они зависли в эвкалиптовом аромате и всю ночь продержатся взвешенными в воздухе, ознобом передавая свою дрожь не успевшим добраться до дома прохожим.

Хорошо прицелясь, их собьет на землю завтра утром своими лучами солнце.

Х Х Х

Меня догнала на улице немолодая женщина:

– Сеньора! Я владелица книжного магазина! Это у меня инженер Хулио, когда вы еще были в своей стране, покупал для вас три тома энциклопедии. Он говорил, что отослал вам. Он говорил, вы знаете испанский. Вам понравились книги?

Что мне ответить случайной попутчице? А в душе поднимается боль: Хулио – мой, мой! Я хотела бы, чтобы и в прошлом он принадлежал мне! И что мне делать с этой болью?

– Он покупал их не для меня!

Женщина смотрит на меня удивленно:

– Может, почта?..

– Он не мне покупал эти книги... Тане... своей жене... она в Союзе.

Владелица книжного магазина улыбается как-то странно, как будто чего-то никак не может понять, но ей сворачивать налево, а мне прямо, и она прощается поспешно.

Х Х Х

Одна из лучших студенток Хулио – он ее хвалил – некрасивая, но умная! – призналась мне, что слышать не может, как я коверкаю испанский язык, произнося вместо «э» мягкое «е». Я не обиделась: во-первых, мерзавка, права, во-вторых, негодяйка, знает, что у нее я ничего вести не буду, а в-третьих – ну видно же! – она без ума от Хулио: и я успела простить ее дерзость раньше, чем она закончила.

А две студентки-подружки, наоборот, сказали, что мой акцент очень мил, мягкий такой. Они вызвались меня проводить:

– Как, доктóра, вы хотите идти одна через пустырь?

Пустырём они назвали сквер.

– Я всегда так хожу.

Молоденькие, беззаботные... Они моложе меня года на три от силы, но им и в голову не придет, что мы почти ровесницы: они – девчоночки, дома у них родители, в голове пустяки, а я – доктóра, у меня сын, у меня Хулио...

– А вы жена инженера Чикайса?

Хитренькие! Вызвались меня проводить, чтобы выведать, кто мне Хулио. И не эти ли самые подружки, шутя насчет

рожек на голове Бертрана, постарались быть услышанными моим мужем?

– Нет, не жена!

Зачем им? Тоже влюблены в Хулио? Девочки, я могу вас понять. Я сама от него без ума.

Х Х Х

У меня было плохое настроение, у Хулио – хорошее. Я его спросила:

– Хулио, а как ты думаешь, тогда, в Эсмеральдасе, когда забирали ребенка, я была близка с мужем или нет?

Как случилось, что этот вопрос слетел у меня с языка? Вроде бы я не думала его задавать.

Слова у Хулио выходили медленными:

– Не думаю... У тебя было мало времени... На ночь ты не осталась... тебе было незачем... не думаю...

– Ну конечно же, не была! Ты прости, это я так спросила!

Мне стало немного легче. Было что тогда или не было – ерунда! Но я не могу все, что ношу в себе, оставлять себе, я выплескиваю в мир то, чем наполнил меня этот мир.

У меня хорошее настроение, а у Хулио, наоборот, плохое.

Х Х Х

– Сегодня после экзамена я устраиваю в доме родителей

пирушку, – сообщает мне Хулио.

– Я приду?

– Не стоит.

– Не стоит?!!

Весь вечер я не нахожу себе места. Уложив ребенка спать, ловлю такси и отправляюсь по знакомому адресу.

Из окон дома гремит музыка. Дверь открывает сеньора Мария и пропускает в дом, а в доме люди, люди, друзья Хулио и студентки. Сам Хулио взглянул мимо меня, будто бы не узнал. Рядом с ним стояла полногрудая девушка с тонкой талией, пышным задом и толстой длинной косой. Она не поздоровалась тоже.

Я хлопаю дверью комнаты Хулио, сажусь на его кровать. На эту кровать он опустил когда-то меня больную и приказал сестре лечить. Я не могу сдержать слез.

Ящик письменного стола приоткрыт, видна стопка исписанных целых и разорванных наполовинки листов. Я протираю глаза, тушь расплылась, один глаз щиплет.

«...Маленькая белочка – красивый, подвижный и крошечный зверек. Большой медведь – сильное и могучее животное. Эквадор – маленькая красочная страна. Советский Союз – великая и, я бы сказал, немного скучная страна. Ты живешь, Юля, в Советском Союзе. Ты родилась в сердце этой могучей державы вот уже семь лет тому назад. Я сейчас живу в Эквадоре. Я родился здесь. Скоро мне будет тридцать лет. Эквадор и Союз отдалены друг от друга многими тыся-

чами километров. Мы живем с тобой очень далеко друг от друга. Ты во Владимире, я в Риобамбе. Сейчас там у вас с мамой холодно. Здесь так же холодно и, конечно же, хочется быть с вами. Мне всегда хочется быть с вами. Тем не менее, нельзя забывать, что в жизни не всегда удается достичь всего того, чего хочется достичь. Я работаю здесь, мама Таня работает там. А ты уже ходишь в школу. Уже четыре года как я не вижу тебя. Ты мне представляешься такой, какой я видел тебя последний раз: маленькой девочкой в розовеньких в квадратики штанишках и красненьких тапочках. Черноглазая девочка. Тебе было три с половиной года, когда я должен был вернуться домой. Но ты не должна переживать, я буду с вами, как только смогу. А пока я тебе расскажу в письмах, о стране, где живу. Ты когда-нибудь сюда приедешь, и тебе нужно знать, что эта за страна...»

Он будет с ними, как только сможет?! Он меня бросит? Или он шадит дочь, подбирая слова, несоответствующие чувствам? «Мне всегда хочется быть с вами»... Таня... Юля... Они ни в чем не виноваты, и я ни в чем не виновата, но почему же так больно душе? Когда я рядом, ему хочется быть с ними?

Стопка бумаг заинтересовывает меня. Я читаю, читаю, складываю, подбирая разорванные листы. Я бесстыдно роюсь в чужих отношениях и судьбе. Но это и моя судьба тоже! Я роюсь в бумагах, роюсь и понимаю... О! Я многое понимаю.

«... Лариса, я жалею, что не оставил тебе ребенка. Признаюсь, что после того, как ты сказала мне о своем желании иметь от меня сына, я стал сдерживаться, чтобы исключить возможность твоей беременности. Сейчас я жалею об этом. От нашей любви должен был остаться ребенок. Я любил тебя страстно. Ты же помнишь, что однажды даже в присутствии моей дочери мы легли с тобой в постель, хотя не должны были этого делать. Жажда близости с тобой у меня была велика. «А счастье было так возможно, так близко...» Надеюсь, ты меня никогда не забудешь. Может, еще встретимся...»

В отличие от меня Таня прочитала это письмо Хулио к Ларисе не в черновике. Она готовилась к отъезду, заграничный паспорт был уже на руках.

Хулио из Эквадора вместе с другом, влюбленным в Таню, переслал в Союз письма, одно лишь из которых предназначалось Тане, остальные друг должен был отпустить в почтовый ящик, но не опустил. Он преднамеренно отдал все письма Тане и посоветовал ознакомиться с содержанием.

Таня удивилась, взглянув на женские имена и фамилии, проставленные на конвертах. Она вскрыла письмо, адресованное Ларисе: что Хулио может, кроме приветия, послать ее подруге Ларисе? Она прочитала письмо Ларисе. Остальные письма ее подругам уже не было нужды вскрывать, но пальцы сами собой нервно рвали конверты, и в метро, среди людского потока, поглотила Таня боль каждого слова всех писем, и по лицу ее текли слезы.

А вот письмо к ней... «Приезжай, Таня скорее. Я соскучился по тебе и по Юле. К вашему приезду отец заканчивает строительство нового дома. Мы назовем его твоим именем, вилла Таня, у нас принято частным домам давать женские имена...»

Вилла Таня, вилла Таня. Какой прекрасный дом вырисовывался в Танином воображении? Вилла Таня! Но ни тот дом, в котором жила семья Хулио, ни деревянный сарайчик на окраине города, в котором из семьи никто не жил, не представился ей – и слава Богу! Вилла Таня!

Слова, слова... Для чего существуют слова? Для того, чтобы люди лгали! Зарубежный паспорт, виза... «А счастье было так возможно, так близко...» Таня вспомнила: Хулио проходил Пушкина на подготовительном факультете, она помогла ему заучить наизусть эти строки ...«но судьба моя уж решена...» Пушкинист! К Тани приходит легкое дыхание и такое очевидное решение: она не поедет!

Передавший письма друг Хулио, узнав о решении Тани, схватил ее на руки, закружил... Но ехать с ним она отказалась тоже.

«Хулио! Я сегодня постарела на полвека. Я не была с тобой счастлива, но надеялась, что со временем счастье придет к нам. Я не заслужила той боли, что ты причинил и причиняешь мне. Я никогда не увижу и мне не нужна вилла Таня. Когда я приняла решение оставить тебя, я как будто выздоровела после долгой болезни, я даже стала смеяться, ведь я

разучилась смеяться за время жизни с тобой. И я не подзревала об изменах... Надеюсь, твоя вторая жена не будет страдать так, как страдала я».

Это письмо Таня писала мысленно, стоя на эскалаторе метро с пачкою вскрытых писем в руке, и слезы высохали у нее на лице. Но она написала и на бумаге это письмо и отослала его, а Хулио сохранил, и я его прочитала.

Х Х Х

Слезы высыхают и на моем лице. Непорядочно читать чужие письма, я конечно, знаю. И перочинным ножиком вскрывать чемоданные замки тоже непорядочно. Но порядочность... – что такое порядочность в этом обезумевшем, непорядочном, сорвавшимся в пропасть – пропасть! – мире, в котором мне нужно выжить? При чем тут порядочность? Акулу, оказавшись за бортом корабля, пырнуть ножом – как?! рыбу ножом?! Я должна была прочитать. Зачем? Чтобы выжить!

А теперь уйти! Поскорее уйти! Мой Хулио, мой Хулио, мой Хулио... Я приму его таким, каков он есть, но мне нужно время, хотя бы час – хотя бы час! – чтобы свыкнуться с тем, что я узнала, мне нужен час тишины, одиночества, час... Уйти!

Пьяные реплики, смех слышны через дверь. В доме так и не смолкала музыка, я просто перестала слышать, читая, но

слух возвращается... Уйти!

Ворота оказываются запертыми.

– Сеньора Мария! Отоприте, пожалуйста!

Сеньора Мария отрицательно качает головой:

– Ключ у Хулио.

Я подхожу к Хулио. Он, танцуя, висит на полногрудой девушке с тонкой талией, пышным задом и толстой длинной косой. Он что-то шепчет ей на ухо, девушка раскраснелась, смеется, и они не обращают никакого внимания на меня. Все как дурной сон.

– Дай мне ключ! Выпусти меня! – прошу я Хулио.

Хулио мычит вместо ответа.

– Му-у!

Я оттаскиваю его от девушки и проверяю карманы, а Хулио не может удержаться на ногах, падает.

– Не смей с ним так обращаться! – кричит сестра Хулио.

– Но я хочу уйти!

Сеньора Мария, взглянув на меня осуждающе, вынимает ключ из кармана, и идет отпирать ворота.

Почему она не хотела меня выпустить? Может, если бы она выпустила меня сразу...

Х Х Х

...Людей не стоит – опасно! – знать слишком близко, и если вы хотите, чтобы ваши отношения не потеряли очаро-

вания, ограничьтесь поверхностным знакомством и тем, что люди считают должным сообщить о себе вам, и свято верьте в то, что они рассказывают о себе, оберегайте себя от сомнений, и тщательно храните в себе их благородный образ...

... О людях стоит знать как можно больше, если вы хотите понять их, но то, что вы увидите при близком рассмотрении, причем, в любом человеке, насколько благородным он не был бы...

Тайна влюбленности – не видеть или видеть не так. Тайна любви – видеть и прощать.

Х Х Х

На работе Хулио на следующий день не появился, а вечером возле моего дома, раздался шум, мужские голоса. Ко мне в окна заглядывали – в этом доме у меня тоже не было занавесок.

Я узнала некоторые лица: я их видела вчера на устроенной Хулио пирушке. А дома я была одна с ребенком, Лус Милу уехала навестить родных. Я испугалась людей, заглядывавших ко мне в окна.

Вошедший в дом Хулио не был пьян, но трезвым он также не казался. Обычно умные, погруженные в себя глаза были круглы и самодовольны, и в них нельзя было смотреть без страха: белки приняли цвет зрачков, и полыхало из черноты пламя.

– Ты вчера в присутствии всех, мне сказали, выворачивала у меня карманы! Ты осознаешь, как ты унизила меня?
Я поняла, сейчас произойдет что-то страшное.
– И бумаги моего стола перерыты! Ты все прочитала?
– Да.
И тогда Хулио... тогда Хулио... тогда мой Хулио...
– Достаточно! Мы видели, инженер! – кричали за окном.
– Я вернусь! – пообещал Хулио прежде чем уйти.

Х Х Х

В моей жизни было много всякого разного. От некоторых событий я отходила долго и с большим трудом. От некоторых, возможно, не оправилась никогда.

Х Х Х

Как ты мог, Хулио?

Х Х Х

Иногда мне хочется думать, что если бы я не поехала на ту пирушку, на которой не хотел меня видеть Хулио, не прочитала бы те письма, не увидела бы ту пышнозадую девушку с тонкой талией и толстой косой, не обыскала бы его карманы в поисках ключа, все было бы иначе в наших отношениях.

Иногда мне хочется так думать. МНЕ ХОЧЕТСЯ, ЧТОБЫ ТАК ОНО И БЫЛО! Но один Ангел и один Бес нашептывают мне на ухо, успокаивая:

– Не было бы пирушки, случилось бы что-нибудь другое, у нас заготовлено было множество замен.

И под их шепот я оправдываю себя – за то, что поехала на ту пирушку, увидела ту девушку, прочитала те письма, среди которых попадались странные записи – расшитый дневник?..

«... Смерть избавляет от страха. Из цветов самые красивые увядающие внезапно. Женщины, рожая детей, преумножают смерть, ибо вновь родившийся протаптывает свою тропинку к смерти. Тропинки разбегаются, сходятся и все ведут к смерти. Чья тропинка оборвется раньше, тот быстрее добирается к цели...»

Красивые слова, романтично-трагические мысли... Поэ́рство! Я не верю. Смерти боятся все люди – это заложено в человеке, это инстинкт самосохранения. Я не верю. Я люблю жизнь. ЖИЗНЬ, ЖИЗНЬ!.. Я хочу жить и БЫТЬ СЧАСТЛИВОЙ! И буду! БУДУ! Я буду счастлива!

И что из того, что я увидела Хулио на пирушке, на которую он меня не приглашал, смертельно пьяным и в обнимку с пышнозадой девушкой? Что из того, что я обыскала его карманы в поисках ключа, который он был не способен мне протянуть? Что из того, что я узнала о его измене с подружкой жены в присутствии маленькой дочери? Что из того?!.

Ведь Хулио был благороден по отношению ко мне: он вер-

нул мне сына, он спас меня, когда я лежала при смерти в мятом грязном тряпье постели в пустой квартире и никто меня не навещал, он оплатил мои долги, он помог мне прижиться в Политехе и стране, и я любила и страну, и его, Хулио, любила горы, облака и его, Хулио, свежий воздух, солнце, ветер, запах эвкалиптов, ледники Чимборасо и его, Хулио. Я любила так первый раз в своей жизни, первый и последний, я никогда так не любила никого прежде и знала, что уже не смогу после, Хулио был для меня страной, Политехом, ледниками Чимборасо, солнцем, ветром, облаками, он был для меня всем, я любила его каждой клеткой своего существа и готова была приять и любить его, какую бы не оказалась его душа.

Но почему неблагородное чтение чужих писем на неблагородной пирушке не стало случайным событием, а оборвало благородную нить отношений? Почему? Почему? Потому что я УЖЕ без памяти любила Хулио, принадлежала ему и зависела от него и не было надобности больше в благородстве? Или потому, что оказывается невозстановимой порванная нить, и словно сдерживавшая прежде внезапно открывшийся заслон пороков, она, разорвавшись, высвобождает человека из-под бремени благородства, и он предстает таким, как есть – страшным без покровов?

Почему?

Прочитав то, что я прочитала, мне было проще понять Хулио и все, что случилось потом – а оно все равно бы случи-

лось, так или иначе. У одного Ангела и одного Беса было заготовлено множество замен.

Или... все-таки... все МОГЛО сложиться иначе? Могло ли? Могло ли? могло ли? могло ли? могло ли?...

Не могло.

Х Х Х

Остановись, память, сделай пропуск, пробел в череде событий – ну зачем тебе нужно все помнить? – я не хочу вспоминать, не хочу, не хочу... Вычеркни, сотри в своей записи и моей жизни тот вечер! Уничтожь в моей голове саму ту ткань, которой надлежит это помнить, я не хочу это помнить, не хочу...

Но я помню... почему, как при замедленной съемке?... переворачивается сковорода с картошкой и по дереву пола расплзается масляное пятно – все огромней, огромней... молоко, которое только что я поставила на плиту греться, опрокидывается мне на голову и стекает с волос на одежду... струи теплого молока... из кухни, куда я забилась, меня тащат в зал, я упираюсь, я не хочу, там люди в окнах... телефон поднимается высоко-высоко – этот мужчина такой высокий... он – Хулио?... – и медленно... почему как при замедленной съемке?... опускается телефон мне на голову, тупая боль, гул, я лежу на полу...

– Достаточно! Хватит! Мы видели, инженер, – голоса за

ОКНОМ.

Х Х Х

Была глухая ночь, когда Хулио вернулся.

– Забирай вещи, и уходи! – сказала я.

– Это ты МНЕ говоришь?

Хулио вытолкал меня за дверь.

Тихо – не дай бог ребенок проснется! – я скреблась в дверь:

– Хулио! Пусти!

Он открыл дверь, взглянув ему в лицо – оно попало в свет фонаря – вновь я увидела слившиеся со зрачками белки и вырывающееся не только из зрачков, но со всей поверхности глаз пламя, и я отпрянула от двери.

Хулио тянул меня за руку в дом.

– Нет! Нет! – я вырывалась.

Босые ноги, ночная рубашка... – такой я прибежала в дом сеньоры Далии.

Ночи в Риобамбе темные и холодные.

Х Х Х

Я проклята.

Х Х Х

Старшие дети сеньоры Далии были моего возраста, но дружила я с их мамой, полной, подвижной, веселой женщиной лет сорока. У нее были умные глаза и крашенные в седьну – белые-белые – редкие короткие волосы. Обращалась ко всем она очень ласково: моя дорогая, моя любовь, моя доченька, моя жизнь... что, впрочем, ничего не означало.

– Что случилось, моя дорогая? – спросила она меня и принесла плед.

– Сеньора Далия... – я всхлипнула.

Она просила звать себя просто Далией, но я никак не могла решиться назвать женщину вдвое старше меня просто по имени, отчества у нее, разумеется, не было, и я никогда не опускала «сеньора», хотя при близости отношений это звучало странно и привносило оттенок «госпожа».

– Сеньора Далия...

Мне было трудно рассказать, что случилось.

Она усадила меня в машину.

– Сеньор! – сказала открывшему дверь Хулио сеньора Далия. – Моя подруга – женщина тонкого душевного устройства, изысканного воспитания и не привыкла к мужланскому обращению!

Хулио был смущен ее появлением. По крайней мере, бить меня в ее присутствии он не мог.

– Простите, сеньора, – сказал он вежливо – это наши проблемы, и мы разберемся сами.

– Уходи, дерьмо, подонок, мерзавец! – потребовала на русском женщина тонкого душевного устройства.

– Прости! – попросил на русском Хулио. – Я ничего не помню! Расскажите мне, что случилось? – попросил он на испанском. – Кажется, я выпил...

Белки его были светлы.

– Уходи! – сказала я, но уже не так твердо.

– Сеньора, я прошу прощения, разрешите мне поговорить с Кирой без вашего присутствия! – обратился Хулио к сеньоре Далии.

– Я могу быть уверена в безопасности моей подруги? – поинтересовалась сеньора Далия и ушла. Урчание ее машины стихло.

Стоит ли говорить – я простила. Каково бы ни было потрясение – избиение, открытие ужасного порока... – женщина не способна разлюбить в один день или два.

– Как ты мог! Как ты мог? Как ты мог? – этот вопрос я задала бесчисленное число раз, а Хулио стоял передо мной на коленях, целовал край ночной рубашки и обещал:

– Никогда больше... никогда... никогда... если ты меня бросишь...

Белки его глаз были светлы. Может, мне показалось, что они меняли свой цвет?

Х Х Х

Мужчина, ударивший один раз, ударит еще – народная мудрость. Но нет правил без исключений! Я верила: Хулио никогда больше не поднимет на меня руку. Мы будем с ним счастливы. **МЫ БУДЕМ С НИМ СЧАСТЛИВЫ!**

Но откуда взялось ощущение, что я снова осталась одна и мне никто не поможет? А как сладостно было очарование, как сладостно... И я цепляюсь за любовь – или иллюзию? – но ощущение не проходит – я навечно одна, а любить – это тебя как бы двое. Я теряю способность любить. Я одна.

И хотя я простила – простила ли? – масляное пятно на полу и пролитое молоко, я не сумела забыть людей, заглядывавших ко мне в окна.

Но продолжала цепляться за любовь. Очень страшно во мраке собственной души остаться без любви и в чужой стране, даже если она прекрасна.

А Хулио придумает фразу:

– Ты мое наказание и расплата за все мои грехи!

Фраза станет его идей-фикс, он повторит мне ее бесчисленное число раз, и не один раз я вновь спрошу:

– Как ты мог?

В альбоме с фотографиями я отыщу четыре крупных снимка «Хулио от Ларисы». Вульгарно покрашенная девушка четырежды взглянет на меня с альбомной страницы, а на соседней странице я обнаружу маленькие фотографии жены Хулио и его дочери. Неоднократно мне вспомнятся прочитанные черновики писем, придут мысли о Тане, ее подру-

гах и множестве других женщин, о которых Хулио расскажет мне сам: он не станет скрывать, что причинил им всем боль, они любили его, они страдали...

Откуда взялось у меня желание отомстить, не за себя, за них... или за себя?... Я давила в себе желание мести, но все слова и все ночные ласки Хулио уже не смогли вылечить меня, и оно всплывало, это желание мести, вновь и вновь.

Х Х Х

В Риобамбе тоже есть Красная площадь. Она, действительно, красная: вымощена красным кирпичом. Маленькая площадь. А на площади – маленькая церковь. Я видела: старая индихена, босая, с подвязанной грубой веревкой котомкой за плечами, побоявшись, что нельзя ей, такой грязной, в оборванной одежде, войти туда, внутрь, опустилась на колени прямо перед входом в церквушку и с улицы молилась на изображение Христа, и во всей её склонившейся маленькой старческой фигуре было отчаяние.

Прохожие безразлично обходили старуху. Я тоже обошла.

Х Х Х

Виза! Виза! Мне снова нужно ехать в столицу. Хулио вызвался меня сопровождать.

В автобусе мы с ним одни сидели на заднем сидении. От

других пассажиров нас скрывали высокие спинки кресел, и наши вначале осторожные ласки становились все более страстными, нестерпимыми, требовали обнажения...

Выйдя из автобуса, мы прежде всего отправились в гостиницу – замечательную гостиницу, из которой не вышли уже до утра.

Х Х Х

Следующий день пребывания в столице оказался безрезультатным: где-то был неприятный день, какого-то чиновника не было на месте, какая-то из бумаг, пока я собирала остальные, потеряла срок действия... Все это выяснилось с утра, и я махнула рукой: придется приезжать снова!

Мы отправились бродить по Кито. Широкое авеню Амасонас и двухэтажные автобусы сменились кривыми улочками центра, церквями времен Колонии...

В одной из церквей Хулио обратил мое внимание на картину мучений грешников в аду. Однажды в детстве мать завела его в эту церковь, и картина поразила его настолько, что он не мог от нее освободиться: ночью она снилась, а днем стояла перед глазами и, мучения грешников были живее, чем на картине.

– Нелегко отказываться от веры в Бога? – спросила я Хулио.

– В Союзе это само собой получается, – ответил он.

А на улице выходящим из гостиницы мы увидели Сильвио Родригеса, любимого певца Хулио и друга! По крайней мере, он так говорил мне: друга. Он говорил, что бывал на Кубе у друзей в каникулы и познакомился с Сильвио, они вместе провели много времени...

– Давай подойдем! – предложила я Хулио.

Но Хулио отказался:

– Это было давно, не вспомнит.

Мы так и стояли и смотрели на Сильвио Родригеса и... не подошли.

– Идем, закроется галерея, – потянула я Хулио за рукав.

В галерее мне запомнились картины Кингмана, певца индейских рук и ног: во всех своих работах преувеличенно крупно на переднем плане он вырисовывает руки и ноги народа: костлявые, обветренные, заскорузлые...

Городок торговых палаток не заинтересовал меня: все дешево, но денег на покупки все равно нет.

Мы отправились к Середине Мира – памятнику, поставленному на месте точного прохождения экватора.

Я постояла одной ногой в Южном полушарии, другой в Северном. Мы сфотографировались и уже через минуту разглядывали себя на легкой пластинке: нас разделяла белая линия, причем Хулио оказался в Южном полушарии, а я в Северном.

В магазине фольклорных вещей я выбрала ожерелье с перьями попугая, Хулио заплатил.

А потом мы купили трипамешки: поджаренные на углях промытые то ли свиные, то ли коровьи кишки. Их продавала индихена очень дешево. Я сказала, что мне все равно, где есть, в дорогом ресторане или на улице, вкусно и там, и там. А у Хулио почему-то испортилось настроение. Оно у него портилось всегда неожиданно. И на этот раз я опять не поняла, почему. Может быть, он мне не поверил? Но я была искренна. Когда рядом со мной был Хулио, мир становился особенным, и трипамешки тоже. Но этого я ему уже не сказала.

А вечером Хулио повел меня в театр слушать многоголосье болгарского хора, приехавшего на гастроли.

В партере, среди такой же простой публики, как мы с Хулио, сидел один из многочисленных кандидатов в президенты, я не запомнила фамилию, названную Хулио. Его жена была в декольтированном платье, отороченном мехом. Моя мама, идя в театр, тоже всегда одевалась театрально, и было у нее платье, отороченное мехом... Мы же с Хулио пришли в театр в джинсах.

Ночь мы снова провели в гостинице. Ночи с Хулио всегда были чудесные!

Утром в автобусе я напевала песенку Сильвио Родригеса, которой научил меня Хулио:

Живу ли я в стране свободной,
единственной свободной

на этой земле в этот миг,
и счастлив – я велик.
И люблю я ту женщину,
которую люблю
и которая любит меня,
не прося ничего,
или почти ничего,
что не одно и то же,
но оди-на-ково...

Несмотря на то, что оформить документы мне снова не удалось, я не сожалела о поездке. А Хулио принялся меня учить другой песне своего друга Сильвио:

Вчера потерялся мой голубой единорог.
Я оставил его пастись, а он исчез.
А у меня и было-то всего – мой голубой единорог,
И даже если б был другой,
мне нужен только тот.
Мы с ним слепили дружбу,
немножечко с любовью,
немножечко взаправду...

Я смеюсь: немножечко с любовью, немножечко взаправду?...

На выходные мы с Хулио отправились в горы, на праздник, чтобы посмотреть на короля! На празднике будет король!

Нас подвозит на грузовичке знакомый Хулио. Он владелец строительной фирмы, но сам же работает на грузовичке: в то селение, куда мы отправились с Хулио, он отвозит заказанный груз. Знакомый, обращаясь к Хулио, называет его не по имени, а инженером, и Хулио знакомого не по имени, а депутатом, не уточняя при этом депутатом чего.

Мой сынишка счастлив прокатиться на штурмующем с ревом горные подъемы грузовичке. Домики-сарайчики с маленькими оконцами, церковь...

Именно в этом селении одна из сестер Хулио, студентка последнего курса факультета медицины, проводила разъяснительную работу среди населения о противозачаточных средствах: здесь женщины рожают по двадцать детей, из которых выживают от силы трое. И в то же время настоятель церкви проводил обратную разъяснительную работу: детей посылает и забирает Бог.

Музыканты играют, не уставая, все одну и ту же мелодию. Для выступлений сколочена сцена. Танцы, песни, танцы, поклоны в танцах и после танцев.

А вот и король сам выходит на сцену! король-индихена! потомок древних индейских вождей!

Король обращается к своему народу на испанском: он не знает языка своего народа – кечуа. Король давно живет в Соединенных Штатах. Он в костюме и при галстуке. Король не чувствует себя королем, но когда английская королева собирает по всему миру разных королей, то приглашает на прием и этого человека.

Х Х Х

Пенья. Народная музыка Эквадора. Все сидят за столиками, пьют горячую канью, которую то и дело разносят по столам. Полутемно. Мы грызем орешки и слушаем песни.

Переборы чаранги, всхлипы дудочек, выкрики: «Сладкая, сочная гуаява! гуаява!, гуаява!», и хриплый мужской голос выводит:

В поисках гуаявы брожу я по свету,
Но не могу отдохнуть,
потому что не встретил такой гуаявы,
чтобы понравилась мне и задержала мой путь.

И множество голосов подхватывает:

Куда судьба не бросает только мужчину,
Чтобы нашел он свою женщину...
Гуаяву- гуаяву- гуаяву- гуаяву- гуаяву...

Гуаяву- гуаяву- гуаяву- гуаяву- гуаяву-

Выходит хозяин заведения и объявляет, что вскоре придет несравненная Росалинда, мы ее ждем... Часа через полтора таких объявлений через зал проходит женщина в меховой накидке, за ней следует негр с огромным барабаном, и они скрываются за дверь, ведущей в служебные помещения.

– Наконец прибыла несравненная Росалинда! Сейчас мы увидим выход несравненной Росалинды!

Погасили свет, негр застучал в свой барабан. Росалинда вышла завернутой в мягкую ткань, а когда, танцуя, ее скинула, обнаженное тело заблестело во вспыхнувшей подсветке, и засверкала узенькая полоска, проходившая между ног.

Свет стал ярче, и я засмеялась, когда Росалинда приблизилась к нашему с Хулио столу – меня как будто щекотал кто-то изнутри в области солнечного сплетения, а Хулио оценивающе оглядел ее и склонил одобрительно голову. Росалинда, же раскачивая бедрами, полуотвернувшись, вновь повернулась к нам и затем направилась к следующему столу и обошла все. Ее тело было молодым, стройным, гладким, узкие бедра сливались мягкой линией с торсом, а грудь была маленькой: почти детская припухлость в области сосков – мужчины едва сдерживали свое разочарование.

– ¡Gusana! – пошутил Хулио и пояснил значение слова, так как был риск, что я не оценю каламбур. – «Gusana» зна-

чит «гусеница».

Росалинда была худа как гусеница, и в тоже время она была кубинкой, а беженцев с острова свободы на континенте прозывают gusanos.

И снова канья, и снова звучит чаранга, гитара, сампонья, тамбор:

Вчера вечером отправился я посидеть на холме
Чтобы выследить одну грустную голубку...

И на терции, квинты, октавы расходятся голоса:

Тун, тун, айяй, кто стережет голубку?
Тун, тун, айяй, ястреб в небе! ястреб!

Хулио дарил мне много интересного, и это был один из его подарков – он взял меня с собой на пенью.

Х Х Х

Русская женщина Наталья из Алма-Аты живет в Амбато и ни за что не соглашается переехать в соседний городок Пийяро к родителям мужа. Она боится.

В сорок девятом году селение Пийяро ушло под землю: земля раскрылась и поглотила дома, людей, скот и посевы, поглотила и сомкнулась, оставив невредимыми, лишь со-

трясся немного для страха, соседние деревушки и городки.

Но на сомкнувшейся земле те, кому посчастливилось остаться в живых, заново отстроили дома.

Нам с Хулио случилось побывать в Пийяро в гостях у родителей Натальино мужа. Мне показался огромным участок, прилегающий к дому, старому доброму дому. Мать семьи, мудрая, сильная женщина, вязала левой рукой – левша, она все время что-то делала по дому.

Отец был высок, строен, сед. В молодости – чего только не бывает в молодости – он часто ездил в один из городов Побережья, Санто-Доминго. Его выросшая дочь от женщины, проживающей в Санто-Доминго, приехала жить в Пийяро к отцу, и мудрая, сильная женщина приняла дочь любовницы своего мужа: дочь есть дочь. Девочка то и дело ласкалась к отцу и отказывалась мыть после обеда посуду. Молодость глупа и часто недостойна доброты и мудрости старших. А я так люблю доброту и мудрость сильных женщин!

В том доме была хорошая библиотека и мне разрешили:

– Читай, выбирай!

Я на испанском читала Маркеса, Кортасара, Варгас Льюса...

Х Х Х

– Накупила, я, значит, здесь барахла, что на Ипялисе в Кито подешевке купить можно, служанки здесь такое носят,

а в Союзе, Кирочка, ты знаешь поскольку я эти вещи продавала! – рассказывает мне Наталья о своей недавней поездке в СССР.

– Как же ты покупателей находила?

– Вот еще! Искать не пришлось! Как прошел слух по дому, из-за границы, мол, как набежали, а я цену ломлю, а они мне деньги на стол, не торгуясь! За два дня все размели.

– Ну и зачем тебе были нужны рубли?

– Я их на доллары обменяла!

– Не страшно было, что милиция заметет?

– Волков бояться, в лес не ходить, Кира, так вот! Но не только доллары за рубли, фарфора нашего и хрусталя я за рубли взяла, чтоб сюда оттащить. Перевесу же у меня было, когда обратно летела, ой мамочки!

– Много пришлось заплатить?

– Слушай! Ставлю чемоданы на контроль, а мне открывать их велят. Да мне ж два мужика с трудом чемоданы по-закрывали, как же их теперь открывать! «Узнаю Россию», – говорю. А мне: «Россия тебе не нравится? Открывай!». Закрывать я чемодан потом так и не закрыла! Рассовала вещи по мешочкам, пакетикам, сумкам, и висят они на мне все. А чемоданы все равно лишку потянули. «Платите за перевес!» – говорят. «Денег нет, девушка!» – отвечаю той, что на кассе. «Сколько можете?» – она спрашивает. Подумала я. Половину, говорю, могу. Как ее тут взбрыкнуло! Прямо прорвало! «Я за месяц в пять раз меньше получаю, а им тут за

один раз такую сумму выложить ничего не стоит!» Побледнела, покраснела она, аж слюна летит! Дура я, думаю, надо было мне совсем маленькое число назвать! Что ж, ее понять можно! Только праздничную нашу сторону видит. А то, что я за шесть лет первый раз мать-отца поехала навестить, она знает? А что за эту поездку мой муж ползарплаты три года отдавать будет, она знает? А сколько слез здесь прольешь, пока пообвыкнешь, знает? Видит, красиво одетые женщины с огромными чемоданами и пачками денег... И каждый божий день сколько таких у нее перед глазами пройдет? Вот и завидно ей, обидно за свою советскую жизнь стало, наболело, понять ее можно! А я еще возьми и достань при ней свои пачки рублей и долларов! Она аж запыхтела: «Так вы ввали, что денег нет?» И принялась она на мои мешочки, пакетики и сумки, что на мне навешаны, подозрительно так поглядывать. Ну, думаю, сейчас заставит их тоже взвесить! Я скорее от нее подальше в кассу, да на Вальку – мы вместе летели – свои сумки перевесила, та и рта не успела открыть. Нервы, блин, сдавать у меня стали. Сажу в самолете, а за Вальку беспокоюсь, она ж с тремя своими ребятами летела, стульчики там разные с колесиками, коляски, свертки, своего выше головы. Ну, плакали мой фарфор и хрусталь, думаю. Нет же! Входит Валя в самолет, красная, с моими пакетиками, мешочками и сумками навешанными, да еще свое в руках прёт. Отыскала она меня глазами и на весь салон голосом своим низким говорит: «Ну и кляча ты водовозная!»

Я обомлела, сижу ни жива ни мертва, как будто ко мне не относится. Тут тебе, понимаешь ли, иностранные граждане, дипломаты наши и разные там зарубежные, артисты, футболисты и прочий порядочный люд, а она мне на весь салон: кляча водовозная!... Но Валька душа добрая, отходчивая. Я, может, и в Амбато согласилась жить, потому что она тут живет...

Засиделась я у Натальи. Мне надо возвращаться в Рио-бамбу.

На газоне, разделяющем полосы движения, я задержалась. Машины с бешеным ревом проносились мимо, спереди – в одну сторону, позади – в другую. Я ждала паузы в этой гонке металлических существ, несущих в своей утробе откинувшихся на спинки сидений людей с озабоченными и равнодушными лицами. А паузы все не было. Стал накрапывать дождь.

В стороне босой мальчик принялся заботливо укрывать от дождя картоном кучу тряпья, лежащую на разделявшем полосы движения газоне. Я пригляделась. В тряпье, сжимая в руке пустую бутылочку с соской, сучил ручками-ножками младенец.

Я перебежала дорогу – как раз образовалась пауза в гонке металлических существ.

Х Х Х

Иногда сеньора Далия пытается беседовать со мной о литературе, музыке, нравственности... Я заслушиваюсь – как она говорит! – речь льется, журчит, струится... Но при этом мне кажется, что говорит она не на испанском. Мне не знакомо большинство произносимых ею слов.

Язык сеньоры Далии – другой, не тот, на котором я свободно общаюсь со всем остальным миром, ее язык – поэзия, музыка.

Иногда она замечает, что я только делаю вид, что понимаю, но она не прилагает усилий к тому, чтобы упростить свою речь, это на самом деле, наверное, трудно: мысль приходит в определённой единственно возможной форме, и если заменить даже только одно слово, не столь точна будет сама мысль, изменится оттенок при замене, а оттенок – это очень важно.

Я часто вижу сеньору Далию за печатной машинкой. Она все время что-то пишет, пишет... Я спросила – что? Она сказала, работу по педагогике. Я не поверила: работу по педагогике пишут, основываясь на некотором материале, который должен быть под рукой, а сеньора Далия пишет из головы, рядом с машинкой ничего нет. Наверное, пишет прозу.

Х Х Х

Моя дорогая, моя любовь, мой сыночек, моя доченька, моя жизнь... Эти обращения настолько распространены, что

подлинный смысл стерт: дочь может сказать своей матери «моя доченька», не задумавшись, а жены мужьям «мой сыночек» говорят, пожалуй чаще, чем детям.

Х Х Х

На одной из концертов певец, исполнявший также обязанности конферансье, поинтересовался за кулисами у сеньора Далии, что она собирается исполнить. Сеньора Далия назвала три песни.

Выйдя на сцену, певец исполнил две из названных сеньорой Далией песен.

Сеньоре Далии ничего не оставалось, как спеть из подготовленных ею к концерту оставшуюся третью.

– Может быть, что-нибудь еще? – поинтересовался прямо на сцене певец-конферансье.

– О, нет, моя любовь! – ответила сеньора Далия. – Достаточно одной!

«Моя любовь!» Как ласково!

Этот негодяй-конферансье был её экс.

Х Х Х

На обратном пути в машине сеньора Далия мне рассказала, что несколько лет своей жизни она посвятила этому певцу-конферансье. Оставив своих детей и мужа, она вместе с

ним путешествовала по Штатам, давая концерты, и, как о своих, заботилась о его дочерях, которых возил он с собой. Затем она вернулась к мужу, к своим детям, но остались вложенными в этого человека и его дочерей силы ее души. Мужчины не благодарны.

– На благодарность, разумеется, никогда нельзя рассчитывать. Её не будет. Благодарные поступки по отношению к другим нужны собственной душе, и благодарности ждать не следует. Но могли бы люди... хотя бы не пакостить! – в сердцах сказала сеньора Даляя.

Х Х Х

Пришло от мамы письмо! И в нем... копия моего диплома, заверенная нотариально! Ура! Или, по-испански, с ударением на первый слог: урра! урра! ¡urra!

Х Х Х

Я опаздывала на лекцию, но по регламенту студенты обязаны ждать преподавателя десять минут, после чего могут разойтись. С учетом этих десяти минут я успевала.

Выскочив из автобуса, я быстрым шагом прошла эвкалиптовую аллею, взбежала по ступенькам здания, помахала рукой Дельфине: привет, а время прихода, мол, записать не успеваю, запиши сама... мимолетно ответила на привет-

ствия коллег улыбкой, прошла к своему столу, небрежно бросила дипломат сверху, вытащила из ящика задачник и конспект лекции и вышла, захлопнув дверь. Теперь взгляд на часы – успеваю! По той же эвкалиптовой аллее я побежала к зданию факультета.

А тема лекции – теория функций комплексного переменного – моя любимая. Занятия приносят мне чувство удовлетворения. Я люблю плавать в материале, как рыба в воде, и рассказывать о подводных течениях, люблю установить контакт с аудиторией, развеселив шуткой, увлечь примерчиком с заковыркой... К тому же, аудитория, в которой я читаю, несколько выступает из здания – три стены у нее стеклянные – и я чувствую себя как на эстраде, а я люблю эстраду, когда-то я мечтала быть актрисой и даже думала поступать в театральное училище.

Вернулась я за рабочий стол радостная и усталая, довольная собой и студентами.

Но моего дипломата на столе не было.

Х Х Х

Кому он был нужен? В дипломате не было ни контрольных работ, ни ведомости с оценками. Студентам красть мой дипломат было не за чем, да и как студенты проникли бы в комнату преподавателей? Я же ведь захлопнула дверь! И кроме того, пройтись по Политеху с моим дипломатом – де-

ло рискованное, мой дипломат широко известен, такого второго здесь нет, я его привезла из Союза. Похищение денег тоже исключалось: проще откинуть крышку дипломата – он не был заперт – и вынуть кошелек!

В комнате, кроме моего стола стоят еще два – двоих преподавателей, но один ушел на лекцию раньше меня, а вернулся позже, а другого сегодня совсем не было в Политехе: у него свободный от занятий день. Ключи от комнаты, правда, есть еще у Хулио: его стол прежде стоял здесь, но ему-то зачем красть мой дипломат?

Кто же украл мой дипломат? А в нем была копия моего диплома!

Х Х Х

По всему Политеху я развешиваю объявления с просьбой вернуть дипломат за вознаграждение. Мне так трудно смириться с его пропажей! Снова надо писать маме и снова ждать.

Хулио помогает развешивать объявления. Но что-то меня смущает...

В тот день утром я хотела занести копию в нотариальную контору для заверения перевода и сказала Хулио:

– Копия у меня с собой, в дипломате, давай зайдем!

А Хулио отговорил:

– К чему спешить?

И мы вместо нотариальной конторы пошли выбирать кус-

ки вареной баранины из огромного медного котла – Хулио завсегдатый той забегаловки.

Я расспросила старичка-консерхию нашего отдела, что разносит приказы и постановления и кого посылают за колой и сигаретами, кто же заходил в мое отсутствие в комнату преподавателей, и он сказал, что никто, только Хулио на минутку забегал, но, увидев, что никого нет, вышел. Я не спросила старичка-консерхию, не было ли у Хулио в руках моего дипломата. Мне было стыдно спрашивать, и я боялась того, что могла услышать в ответ. Я боялась выдать Хулио. Я не спросила.

Х Х Х

Горы меняют расстояние: далекое делают близким и близкое далеким. Горы морщат пространство складками, растягивают выпуклостями-вогнутостями, но при прохождении небольших расстояний разве это заметно?

Мы живем в искаженном пространстве. Все здесь кривое.

Х Х Х

У одного из студентов Вийялона Хулио взял тетрадь с конспектами лекций и показал мне. Из конспектов следовало, что читает Вийялон векторную алгебру уже полсеместра, а должен читать курс линейной алгебры, векторную же ал-

гебру можно рассматривать как вступление к линейной, но вступление это Вийялон, безусловно, затянул, о чем я и сказала Хулио, добавив, что нельзя базировать суждение на основе одного студенческого конспекта, это не метод оценки работы преподавателя.

Тем не менее, мое мнение Хулио поднял на штыки и разгласил по всему Политеху без сделанного добавления! Мне было неловко перед Вийялоном, и я никак не могла понять, почему Хулио говорит о Вийялоне с ненавистью, бешенством.

– Пойми, не все в Чили, когда к власти пришел Пиночет, покинули страну из-за политических преследований! Зная, что к ним отнесутся сочувственно в соседних странах и постараются помочь, в их ряды затесались и те, кто уехал просто в поисках материального благополучия. Он не специалист в области физики и математики!

– Как и большинство здесь, – робко намекаю я на самого Хулио. – Вийялон, кажется, инженер-строитель?

– Строитель! Несколько лет назад Политеху срочно потребовалось построить механическую мастерскую. Из-за спешки решили на скорую руку сколотить деревянную постройку. Руководство строительством поручили Вийялону, но при вколачивании последнего гвоздя вся конструкция рухнула! Оказалось, нагрузку на одну из балок Вийялон рассчитал неверно! Весь Политех смеялся, а зарплата Вийялона от этого не уменьшилась! Можешь сходить полюбоваться на раз-

валины, сразу за зданием Механического факультета!

– Почему не восстановили? – удивляюсь я.

– У Мальдонадо руки не доходят. Как-то выкрутились, потеснили другие факультеты. А я говорил Мальдонадо: восстанавливать за счет Вийялона следует.

– А он?

– Они друзья!

– Но и ты ведь друг Мальдонадо!

– И я, – подтверждает Хулио. – Я докажу, что у Вийялона нет титула инженера! Диплом он купил или подделал!

– Нужны веские доказательства! – сомневаюсь я.

Моя первая ночь в Риобамбе у Вийялонов, великодушные хозяев, уступивших нам с Бертраном свою спальную комнату, благожелательность хозяйки, теплая стопка одеял...

– У меня есть все доказательства! – говорит Хулио. – Вийялон в моих руках!

– Покажи мне! – я не верю: какие могут быть доказательства?

– В свое время, – обещает Хулио, – раньше, чем нужно, о них никто не должен знать.

– Почему?

– Я его раздавлю неожиданно!

– За что ты так его ненавидишь? – я недоумеваю: за то, что Вийялон неправильно рассчитал нагрузку на одну из балок, нельзя испытывать личную ненависть.

Хулио долго молчит, прежде чем ответить. Он молчит так

долго, что я подозреваю, правды мне не услышать.

– Когда выбирали ректора, Вийялон был за Морено, из преподавателей помогал Мальдонадо только я, а из рабочих – мой отец, и практически больше никто! И мы выиграли! А теперь что? Вийялон подлизался к Норберто и стал директором отдела.

Мои опасения не оправдались. Кажется, Хулио назвал истинную причину ненависти.

– Я вышибу его из директорского кресла! – грозит Хулио.

– Но как ты сможешь? – мне не верится, что простой преподаватель выгонит директора, которого, к тому же, поддерживает ректор.

А если выгонит, как будет жить семья Вийялона? Его жена – домохозяйка, сын – студент, дочь – школьница.

– А тебе его не жалко, Хулио?

– Нет, – говорит Хулио. – Мир жесток!

– Жесток и добр, – возражаю я, но Хулио не слушает меня.

– Вначале выгоню из директорского кресла, а затем вообще из Политеха! – уточняет он. – Посмотришь, в следующий понедельник я сяду в директорское кресло!

В следующий понедельник?! Ха! Через два дня?

Х Х Х

Квартира Сусано, одного из преподавателей нашего отде-

ла оказалась на самой окраине города. Мы с Хулио долго блуждали прежде чем ее нашли. Собрался почти весь отдел, и у дома Сусано оказалось припарковано слишком много машин, чтобы не вызвать любопытство соседей: они выглядывали из окон.

Сам факт собрания отдела вне стен Политеха, затерянность дома Сусано на окраине города и слегка врытая в землю – на три ступеньки ниже уровня пола других комнат квартиры – гостиная, в которой принимал нас Сусано, делали собрание отдела собранием заговорщиков. Присутствовали «наши» и «не наши»: «левые» и «правые», «нейтральные» и «осторожные», избегающие обычно занимать какую-либо определенную позицию – слишком часто сменяют власти друг дружку в стенах ректората. Как Хулио удалось их всех сегодня собрать здесь?

И все выдыхают в едином порыве:

– Вийялон не учитывает наши интересы!

– С нами не советуется!

– Оторвался от коллектива!

– Все время проводит в кабинетах властей, к нам носа не кажет!

– Свое мнение считает мнением коллектива!

И у всех радость: у «наших» от единства, у «нейтралов» и «осторожных» оттого, что им доверяют, и от приобщения к тайнам скрытой жизни отдела, а у «не наших», оказывается, свои счета с Вийялоном, старые обиды...

– На каком основании он контрактирует людей, без конкурса?

У меня ёкает сердце: я проведена без конкурса, но Хулио забивает вопрос другими:

– На каком основании закупаются для библиотеки итальязычные книги и куда делись испаноязычные? Распроданы или на книжных полках дома Вийялона? Почему список закупок оборудования для лаборатории физики держится в тайне? Почему полгода уже не проводилось собрание?

– В понедельник мы настоим на проведении собрания! – говорит Сусано, худенький, маленький, костлявый, коротко подстриженный: внешность пацаненка, но именно он председатель Риобамбовского общества выпускников Союза, а также комячейки.

В понедельник?!

Кандидатура будущего директора не обсуждается! Почему не обсуждается?... Голоса становятся все громче, одно решение за другим ставятся на голосование... Я смотрю на Хулио: если он поднимает руку, я поднимаю тоже... как все просто! Но почему же не обсуждают, кому быть директором вместо Вийялона?...

– Ты что, против? – хмурится Хулио, его рука поднята, моя нет.

– Нет-нет, я за, я просто задумалась, – моя рука тоже взмывает вверх.

Х Х Х

В доме Сусано я увидела высокую блондинку необычайной красоты. У нее были выдающиеся продолговатые скулы, обтянутые тонкой розовой кожей, и она смотрела на всех сверху вниз, не в переносном а в буквальном смысле: самый высокий из присутствующих мужчин едва доставал ей до плеча. Она сутулилась, не желая превосходить всех ростом, и это было единственным, что портило ее внешность.

Когда она вошла, все замолчали.

– Эта женщина не эквадорка! – шепнула я Хулио.

– Ира, моя жена, – представил Сусано.

Я удивилась: эта женщина... и невысокий щупленький Сусано – муж и жена?

Удивление прописалось у меня на лице. Впрочем, не у меня одной. Я видела то же самое и на других лицах.

– Как случилось, что вы столь красивы? – галантно спросил кто-то, не помню, из правых или левых, и все радостно засмеялись, оценив изящество построения вопроса: «¿Сóмо le ocurrió que es tan linda?»

А Ира не поняла, что спросили. Хотя она в Эквадоре уже три года, Ира еще не выучила испанский.

Х Х Х

Позже я ближе познакомилась с Ирой и Сусано. Жили

они бедно, но девушку, помогающую по хозяйству, взяли: это слишком дешево, чтобы отказаться от подобной услуги. Вместе с ними жил один из братьев Сусано, он учился в Политехе, подрабатывал, когда где сможет, но в основном, ему, как и своей родительской семье, помогал Сусано.

От Сусано Ира имела не слазившую с колен заласканную маленькую дочку – светленькую, розовенькую, как куколка, и кукольным мне казалось ее имя Мальвина. А от первого брака с каким-то забулдыгой был у нее сын Петя. Сусано долго пришлось разбираться с забулдыгой, чтобы получить от него разрешение на выезд сына из страны.

Петя, высокий белобрысый веснушчатый подросток, относится к отчиму уважительно, называет его папой, но Сусано постоянно раздражается: то Петя что-то не положит на место, то разорвет одежду, то без разрешения убежит поиграть в футбол... А Ира, чувствуя раздражение мужа против пасынка, сама то и дело кричит на Петю, то ли желая таким образом снять раздражение Сусано, то ли раздражение Сусано передается ей. Петя же помогает и по хозяйству, и смотреть за сестрой, и учиться в колехио неплохо.

Продолговатые, обтянутые тонкой розовой кожей скулы Иры, когда она кричит на Петю, мне кажутся скулами ихтиозавра, а ее прекрасные глаза холодными и застывшими, как у рыбы.

Хулио однажды играл с Петей в футбол и заметил, какие у него рваные ботинки, и он купил ему новые. Мне только

не понравилось, что потом Хулио раза два поинтересовался: ну как носятся ботинки? еще не истрепались? А на чудесные платица для Мальвины у родителей находились деньги. Родной ребенок, неродной... Как обостряются эти проблемы, когда мало денег, впрочем, в числе других проблем.

Приехали в Эквадор Ира и Сусано вместе и долго жили в семье родителей, потому как Сусано около года искал работу. А отец Сусано – разносчик сигарет, сызмальства, покупая сигареты оптом, продавал подороже поштучно на концертах, стадионах, улицах, и всю жизнь жил на небольшой доход, а детей в доме, включая младших братьев Сусано, племянников и детей Иры, набралось шестнадцать. Случалось, дети Иры по три дня крошки риса во рту не держали и, проходя мимо тиенды, бросались к продуктам. Ира со стыдом оттащивала их. Но в семье делились всем, чем могли, беда была в том, что чаще всего нечем было делиться, но если случалось яйцо, то его детям на шестнадцать частей делила свекровь.

Позже Сусано нашел работу, и все наладилось, не богато, но и не бедно. Вот и девушку помогать по хозяйству взяли. Но тот первый год остался в памяти Иры неизгладимым кошмаром.

Интересно, думается мне, уехала бы Ира в Союз, если бы у нее, как у меня, был обратный билет? Я спрашиваю.

– Нет, – говорит Ира, – я люблю Сусано.

Контрольные работы здесь принято оценивать по двадцатибалльной системе, а после объявления оценок назначать время для опротестования результатов: каждый студент сочтет должным попытаться убедить преподавателя, что ради справедливости ему нужно повысить оценку на балл, потому что вот здесь он хотел, но забыл написать, а здесь описался, а это вот простая арифметическая ошибка, не стоит за нее снижать...

На работе одного студента во время контрольной я сделала надпись для себя по-русски «поставить повыше», потому что видела, как старался во время семестра и старается на контрольной паренек, решает самостоятельно, а не списывает, как другие, на чьих работах я написала «списывал». А по фамилиям я всех не помнила и потому без этих надписей не смогла бы определить, чья именно данная работа.

Но Хулио, обнаружив на моем столе работы с надписями, сгреб их в охапку и пошел к ректору, и мне пришлось плестись за ним, чтоб оправдываться перед Норберто. Хулио размахивал работами и возмущался: разве можно ставить оценки априори? Мне было неловко. Тем более, что Норберто был уже в курсе наших с Хулио отношений.

Ректор повез нас обоих в ресторан поужинать за счет Политеха. Он старался нас помирить, и Хулио немного успокоился, но на следующий день он все контрольные перепроверил сам, и хотя его оценки незначительно отличались от мо-

их, какое доверие и уважение теперь будет испытывать студенты ко мне, если процедуру опротестования выставленных оценок с согласия Норберто Хулио также провел сам?

Я не поняла, для чего все это было нужно Хулио. Потому что в понедельник собрание? Неужели он считает меня кандидатом на директорское кресло? Или потому что в моей группе в этом семестре по случайной путанице в секретариате оказалась та с тонкой талией и длинной толстой косой пышнозадая девушка, с которой Хулио танцевал на злополучной пирушке?

Она написала контрольную скверно, но я слегка завысила ей оценку, потому что боялась против своего стремления к объективности оказаться несправедливой к ней.

Хулио оценку ей не изменил.

Х Х Х

Сегодня облака вздули. Взяли огромный пустой шприц, воткнули в самую гущу и продвинули поршень до упора – и облака раздулись, внутри они, должно быть, полые. А может, и горы внутри тоже полые? Все в мире полое? И мы видим поверхности несуществующих вещей?

В этом мире разве можно быть в чем-то уверенным?

Х Х Х

Хулио занял директорское кресло. Причем к доказательству отсутствия титула инженера у Вийялона он не прибегнул. Я думаю, у него не было доказательств: то был один из трюков Хулио по складыванию общественного мнения Политеха. И в понедельник же я поняла, почему в доме Сусано не обсуждалась кандидатура директора: на должность директора были выдвинуты две кандидатуры – значит тогда, в доме Сусано, единства не было, и это было известно закулисно. Не было смысла обсуждать кандидатуру.

Собрание длилось четыре часа, напряжение раскаляло воздух, хотя завуалированные речи начинались издалека. У Вийялона в глазах стояли слезы. Он несколько раз, хромя, выбегал из зала и возвращался.

Голосование сделали открытым. В процессе голосования преподаватель, выдвинувший соперника Хулио на директорское кресло, неожиданно воздержался, а сам кандидат–соперник заикнулся было о снятии своей кандидатуры, но голосование все равно закончили: с перевесом в два голоса победил Хулио. Счет, наверняка, он заранее знал, без этого не начал бы борьбу.

Таким образом, Вийялон обратился в рядового сотрудника отдела, а Хулио стал директором, и, помня угрозу Хулио выгнать Вийялона из Политеха, я боялась за седого чилийца: не окажется ли он без работы в чужой стране?

Кабинет директора стал кабинетом Хулио, а Дельфина – его секретаршей.

В Риобамбу приезжал декан университета им. Патриса Лумумбы и в нашем с Хулио доме он встречался с выпускниками, а спустя некоторое время приехали сотрудники посольства. У них была великолепная машина, и на ней мы ездили купаться в горячих источниках соседнего городка. Когда речь зашла о пустых прилавках магазинов Союза, Хулио пошутил, что советскому народу давно пора вооружаться. Я грубо его оборвала:

– Что за ерунду ты мелишь!

Рука Союза – через этих двух сотрудников посольства – простиралась – вездесущая! – и сюда. Нужно соображать что и в чьем присутствии можно, а в чьем нельзя говорить! У меня же в Союзе родные!

Много месяцев спустя я узнала: Хулио просил в посольстве оружие для сплоченной им группы советских выпускников – партизаны? терроризм? – и я поняла, что той фразой он напоминал о своей просьбе и подчеркивал настрой на решительные действия. Или я ошибаюсь, он сказал это просто так? Могло ли быть у Хулио что-нибудь просто так?

Один из этих двоих за рулем пел профессионально поставленным низким и мощным голосом. Дар божий? Оказалось, почти: прежде он учился в семинарии на священника. А я и без этого признания догадалась, кто они – эти двое,

приехавшие к нам из посольства.

Они увезли из Риобамбы Хулио с собой на два дня. Зачем? Хулио мне ничего не сказал вернувшись.

А Малыш так плакал и просил не уезжать, когда Хулио садился к ним в машину – с ума сойти! – можно было подумать: родной ему сын!

Одно только Хулио сказал: эти двое очень удивились, когда заглянув в какие-то свои учетные карточки, обнаружили, что моим мужем числится совсем другой мужчина. Они советовали нам скорее пожениться. Но оружие в посольстве Хулио не дали – или все-таки дали?...

Что за жизнь! Никогда ничего не знаешь наверняка... додумываешься... догадываешься... и – наверняка? – ничего! – никогда!..

Х Х Х

Хулио собирается привлечь к политической работе своего тезку Хулио Чавеса. Он тоже получил образование в Союзе, но сторонится выпускников, а о Союзе ни плохо, ни хорошо не говорит.

Хулио берет меня с собой. Когда я вижу Хулио Чавеса, я поражаюсь – два Хулио похожи даже внешне! А когда Хулио Чавес начинает говорить – спокойно, уверенно – то я поражаюсь еще больше: отличие в манере речи лишь в нюансе: мой Хулио придает значительность и вес каждому слову, а

Хулио Чавес к каждому слову как бы приделывает воздушный шарик и оттого слова получаются легкими.

Мы сидим в гостиной в мягких креслах. Из другой комнаты показывается на минутку жена Хулио Чавеса, но тут же скрывается: мы говорим по-русски, а она не знает русский. Она молоденькая и пухленькая, и у нее слегка хмурое выражение лица.

– Немного сердится, – с улыбкой поясняет Хулио Чавес – мы месяц как поженились. Вчера оставил ее с родителями, а сам ушел к друзьям, ой, голова болит сегодня, а она еще не привыкла, что оставляю. Ничего! – у Хулио Чавеса шутливо-ласковый тон. – Завтра купим ей что-нибудь, все как рукою снимает! Но мне нравится, что она сердится, а не упрекнет! А? Какая женщина! Удачно я женился!

Он так и сказал – «как рукою снимет». Он, как и мой Хулио, хорошо говорит по-русски, используя в речи – «как рукою снимет» – идиоматические выражения.

Оказывает ли имя влияние на людей? Почему два Хулио столь схожи? И если у Хулио Чавеса было столько же женщин в Союзе, сколько их было у моего Хулио – а это, глядя на Хулио Чавеса не трудно предположить – то почему он предпочел жениться на своей?

– Ты прости, Кира, – на мою полушутку Чавес отвечает полусерьезно – ты ведь, наверное, по себе знаешь, сколько возникает проблем! Зачем себе и женщине осложнять жизнь, тем более, если ее любишь? Она ведь слишком мно-

гое должна оставить и слишком многое принять!

Оставить любимую в своей стране – боль, взять ее с собою – боль... Кто сказал глупость, что вроде бы эта жизнь на земле устроена для счастья?

Мне понравились воздушные шарики слов.

Хулио Чавес не согласился работать в Ассоциации выпускников Союза: много других дел, дом вот себе достраивает...

Я поняла, он, как и я, живет свою жизнь, и плевать ему на политику. И мне на нее плевать, только она никак на меня плюнуть не может, проклятая.

Долго мы с Хулио у Чавеса не задержались. И может быть, я преувеличила сходство? Во всяком случае, вторые имена у них были различны.

Второе имя моего Хулио – Сесарь, в испанском нет звука «ц». Хулио Сесарь – Юлий Цезарь. Ребенка в индейской семье называли Юлием Цезарем.

Х Х Х

Мы ездили к подножию Чимборасо. Подъехали к самым снегам! Вершина – вот она! Я стала взбираться. В кроссовках. По снегу. Как трудно! Я задыхалась, колотилось сердце, но вершина – вот она! Я упорно переставляла ноги, и все остальные пытались не отстать.

Вершина – вот она. Я знала – нам не добраться: нужно

снаряжение, одежда, аппараты для дыхания... но как заманчиво: вершина – вот она! Я карабкалась, что было сил.

– Хватит! – крикнул Хулио.

Я осела на снег. За полтора часа мы продвинулись от силы метров на триста, если мерить по склону.

Вниз было легко бежать.

Ночью у меня болели глаза: я обожгла их. Несколько часов я не могла видеть.

Х Х Х

Океан с Побережья наслал облака на Сьерру и Ориэнтэ, и они, неуклюже громоздкие, переползают с хребта на хребет. Сначала они все ниже и ниже спускаются по склону и протягивают лапы, затем переваливают свои огромные тела, подтягивают хвосты и направляются к новой горе. И так – пока не доберутся до Ориэнтэ, где разразятся нескончаемыми ливнями. Но все их старания затопить Джунгли окажутся напрасными – на то есть Солнце! Под его лучами тают Облака уже в Сьерре, а те, которым удастся добраться до Ориэнтэ, бестолку пожертвуют своей жизнью. Усмехнувшись, Солнце высушит все, что они натворят, и подмигнет Океану: «Давай, шли еще на смерть Облака. Мне нравится смотреть, как они умирают.»

ОКЕАН, ОБЛАКА, СОЛНЦЕ, ХУЛИО, МОЙ СЫН, Я...

Х Х Х

Политех Риобамбы взялся построить маленькую электростанцию в Ориэнтэ. Прокладывать дороги и линии передач в джунглях бесполезно: зарастают в несколько часов. А в Политехе собралось много инженеров-гидравликов.

– Мы поедем делать замеры. Можешь взять Малыша с собой, – сказал Хулио.

Вот здорово! Хулио берет нас в Ориэнтэ!

– А как же занятия?

– Я издал приказ об освобождении от занятий, – говорит Хулио.

Серебристая машина мчит нас в Ориэнтэ.

Дорога мечется между склонами, и вдруг – водопад сбрасывает свои воды прямо на дорогу, слева – крутая стена, справа – обрыв.

– Бесплатная мойка, – говорит шофер, – закройте окна!

Замедлив скорость, он въезжает прямо в водопад. На крышу машины обрушивается невообразимый грохот, стекла заливаются потоками воды, ничего не видно – изображение размыто.

– Вымыли машину, – говорит шофер, выезжая из-под водопада.

Х Х Х

В Пуйо – маленьком городке Ориэнтэ (все совсем другое, не похоже ни на Косту, ни на Сьерру) мы остановимся в прекрасном мотеле, и, отправляясь к завтраку, я замечу тонкое колечко, свернувшееся на листе кустарника – ой! Змейка!

– Не трогайте её, пусть греется на солнышке, – посоветуют мне.

Воздух влажный, солнце страшное, от укуса насекомого можно заболеть, и опасность подстерегает даже с листа кустарника: змеи ядовиты.

... а в маленьком городке Сьерры, Риобамбе – ни ядовитых змей, ни насекомых, даже комаров нет...

Х Х Х

За притоки Амазонки и нефтеносные земли Эквадор ведет войну с Перу. Для ведения военных действий расчищают площадки, отвоевывая пространство у растений, и на них садятся маленькие самолеты, доставляя солдат.

Военные действия проходят без жертв: стрельнут пару раз с одной стороны из пушки, и в ответ пару раз с другой. А граница даже на картах в этой части условна – кто же возьмется в этих дебрях указать ее точно?

В маленьком аэропорту я читаю табличку со словом «prohibido» – иностранцам вылеты запрещены. Надо же, prohibido в Эквадоре не только бросать мусор и курить!

– Хулио, как же быть?

– С чего ты взяла, что ты иностранка? – смеется Хулио. – Не волнуйся!

Оказывается, и это prohibido – можно. Мы садимся в самолет, рассчитанный на шесть человек.

Пропеллер никак не заводится. Пилот пробует раз, другой... никак! Он выходит и крутит пропеллер вручную – в начале века так заводили автомобили – и пропеллер начинает вращение.

Мы взлетаем, я прилипаю к окну. Джунгли, джунгли, нитки речушек, какое-то дерево одиноко возвышается над растительными собратьями, оно намного обогнало их, ему одиноко, этому дереву...

Вдруг... вниз..., вниз... самолет падает... я успеваю подумать: я уже пожила, но мой сын такой маленький... Не падай, самолет с заводящимся вручную пропеллером!...

Самолет – как оперся на твердь, и пошел вверх, вверх...

– Воздушные ямы, – кричит мне в ухо Хулио, – их будет много... утро... воздух прогрет неравномерно.

Хулио не успевает закончить, как мы падаем в новую яму.

– Запасного двигателя нет, летим на одном, так что если пропеллеру снова вздумается заглохнуть... – опять кричит мне в ухо Хулио.

Он что – так шутит?

Сколько мы летели, я не помню... кажется, недолго... Я потеряла ощущение времени.

Самолет приземлился на посыпанную мелкими камнями дорожку. Дети селения выбежали нас встречать. Пилоты выгружали ящики с продуктами, хозяин магазинчика продукты принимал.

Деревянные домики на сваях, пол высоко от земли – змеи... Нас отводят в простой, бедный дом, хозяйка обещает приготовить обед.

До речушки, на которой Политех построит электростанцию для этого селения – пять километров. Мы идем по узкой тропинке, перешагивая поваленные деревья. Впереди – проводник, он в высоких сапогах, чтобы не укусила змея, и в руках у него мачете, он постоянно смотрит под ноги и прогоняет змей.

Ребенка Хулио несет на плечах, а когда устает, сына несущий. Инструменты, необходимые для измерений, тащат жители села, отправившиеся с нами. Им заплатят, конечно.

Речушка оказывается такой маленькой, что хочется назвать ее ручейком. Вода, как ни странно, холодная, прозрачная, дно – камешки. Вы можете здесь искупаться с ребенком, – говорят мне, – пока мы будем работать.

– Искупаться? А пираньи? Аллигаторы?...

Все смеются:

– Это там, еще дальше, в джунглях!

Еще дальше?

Искупавшись в реке – породнившись с нею – мы с Малышом отправляемся искать остальных, выходим к домику, тоже на сваях, дверь открыта, внутри никого нет. А возле дома – очень маленькая пальма-пальмочка. Я приглядываюсь к ее стволу – ананас! Так вот как растет ананас! Это ствол маленькой пальмы! А что это за дерево? Кофе или какао? Я все время путаю... А вот орехи...

То была сказка в сказке, в которую взял меня Хулио.

Х Х Х

У одного из эквадорцев, выпускников Союза, жена – перуанка, они познакомились и поженились в Союзе, она хик, у них трое детей, и, несмотря на войну с Перу, ее приняли на работу в Политех, и власти Эквадора дали ей *carne ocupacional* – разрешение на работу.

Х Х Х

Чтобы получить визу и разрешение на работу, мне следует быть замужем за эквадорцем по эквадорским законам. Что быстрее: легализовать уже заключенный с Бертраном брак без документов мужа или затеять бракоразводный процесс и затем вступить в новый брак с Хулио? Быстрее легализовать уже заключенный, потому что без легализации даже не развестись!

Я заняла деньги у сеньоры Далии, съездила в Кито, вернулась в Риобамбу и вышла замуж за своего мужа по эквадорским законам, причем на церемонии бракосочетания присутствовала я одна. О том, что женат со мной и по эквадорским законам, Бертран, я подозреваю, не знает до сих пор.

Х Х Х

Сегодня до Политеха я добиралась одна, Хулио ушел раньше. Я стояла на остановке, ждала автобус, когда возле меня на своей шикарной машине притормозил Котик. В Политехе он возглавляет одно из общественных движений и по этому поводу часто заходит в кабинет Мальдонадо с черного хода и без доклада.

Машина Котика по шикарности сравнится разве что с тем серебристым фордом, на котором разъезжает Мальдонадо, но форд Мальдонадо принадлежит Политеху, а мерседес Котика – Котику.

Зовут Котика Котиком за зеленые глаза. Здесь вообще всех мужчин и женщин со светлыми глазами зовут котами и кошечками.

За зеленые глаза, шикарную машину, близость к властям Политеха и веселый нрав Котика любят женщины. Вечно он шутиливо кого-то обнимает, держит за руку, подвозит...

Я благодарю Котика, что подбросил меня к Политеху, я как раз опаздывала, не было автобуса. Прощаясь, я протяги-

ваю ему руку. Он задерживает мою руку в своей чуть дольше, чем следовало бы...

А выйдя из машины, я привычно прижимаю средний палец к безымянному – перстень мне немного велик, свободно сходит и, сжав пальцы, я проверяю, на месте ли он – и обнаруживаю, что перстня на руке нет.

Я стою в растерянности, а машина Котика мчится все дальше. Я смотрю ей вслед.

Х Х Х

Обычно я никогда ничего не забываю. Но после пропажи моего дипломата, мне стало случаться забывать то одно, то другое на работе в письменном столе.

– Это от того, – говорю я Хулио – что нет теперь у меня дипломата! Купи мне, пожалуйста, новый! купи! купи! купи!...

Вот и сегодня – воскресенье – к лекциям на понедельник я готовлюсь дома, а нужная книга осталась в Политехе!

– Съездим, – прошу я Хулио.

– Сама! – говорит Хулио.

Что ж! Еду!

По воскресеньям Политех превращается в роскошный парк для гуляний. Щедрое солнце, горные пейзажи, ветер, настоящий на аромате эвкалиптовых роц, теннисные корты, волейбольные площадки, баскетбольные кольца, киоск, в

котором девочка торгует конфетами, мороженщики зазывают звоном колокольчиков велосипедных повозок: какое хотите? ананасовое? апельсиновое? клубничное? сметанное? шоколадное? ромпасас?..

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.